

РОЙ МЕДВЕДЕВ

**ОНИ ОКРУЖАЛИ
СТАЛИНА**

Рой Александрович Медведев Они окружали Сталина

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159228

Они окружали Сталина: Время; М.; 2012

ISBN 978-5-9691-1001-4

Аннотация

Очередной том собрания сочинений Роя и Жореса Медведевых составлен из очерков Роя Медведева о политических деятелях, в разные годы входивших в ближайшее окружение Сталина, – Троцком, Каменеве, Свердлове, Молотове, Кагановиче, Микояне, Ворошилове, Маленкове, Суслове, Калининe... И хотя автор считает, что многие «люди из окружения Сталина не были выдающимися личностями или великими политиками», новому поколению россиян безусловно следует знать, какие исторические персонажи десятилетиями находились у власти в стране, какими методами делались и как рушились государственные и партийные карьеры. Отдельный очерк посвящен семье Сталина.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ОБ ОДНОМ МОСКОВСКОМ ДОЛГОЖИТЕЛЕ	7
«Часы у меня еще остались»	7
Карьера при Ленине	10
Карьера при Сталине	14
Молотов: на волосок от ареста	19
Активное участие в массовых репрессиях	24
Пакт Молотова – Риббентропа	32
Молотов в годы войны	45
О легализации церкви и ликвидации	52
Коминтерна	
Первые годы после войны	59
Молотов в опале	64
Первый год после смерти Сталина	68
Оппозиция руководству Хрущева	72
На третьих ролях	82
Молотов на пенсии	89
СУДЬБА СТАЛИНСКОГО НАРКОМА	110
ЛАЗАРЯ КАГАНОВИЧА	
В доме на Фрунзенской набережной	110
Сапожник-революционер	112
На разных местах	116
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Рой Александрович Медведев Они окружали Сталина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя работа над книгой об окружении Сталина началась еще в конце 1970-х годов, и первые очерки об отдельных людях из сталинского окружения публиковались в разных газетах и журналах в странах Запада в 1980–1983 годах. Первое английское издание книги («All Stalin's Men») вышло в свет в 1984 году, после чего переводы как с английского, так и с русского изданий были опубликованы во многих странах, включая Японию, Китай, Польшу и Венгрию. Значительно дополненное советское издание этой книги под названием «Они окружали Сталина» вышло в свет в 1989 году. Это были годы перестройки и гласности, и автор попытался в последующие два года о каждом из шести главных персонажей книги написать отдельную небольшую книгу. Мне удалось выполнить лишь часть этой задачи. В киевском журнале «Вітчизна» (№ 5 и № 6 за 1991 год) и в воронежском журнале «Подъем» (№ 8 и № 9 за 1991 год) была опубликована книга «Лазарь Каганович». Издательство «Республика» вы-

пустило в свет в 1992 году книгу «Серый кардинал» о М. Суслове. В 1992 году я написал также очерк «Всесоюзный староста» – о Михаиле Калининe. В настоящем издании я объединил все эти работы под одной обложкой. За период с 1992 по настоящее время в Российской Федерации было опубликовано много работ об окружении Сталина. В России и США издано несколько томов переписки Сталина с Молотовым, Кагановичем и Калининым. Вышли в свет мемуары А. И. Микояна – «Так это было», а также записи бесед с Молотовым и Кагановичем. Книгу о своем отце написал сын Г. Маленкова. Внук Молотова В. Никонов опубликовал в двух томах подробную биографию своего деда. Большая часть этих работ имеет, однако, академический интерес. Люди из окружения Сталина не были выдающимися личностями или великими политиками, и для широкой публики нет необходимости знать все подробности жизни и деятельности этих людей. Поэтому я не стал расширять написанные ранее тексты, а ограничился исправлением некоторых неточностей. В России в последние 20 лет появилось новое поколение читателей, которым, как я надеюсь, моя книга будет интересна.

Хочу выразить глубочайшую признательность моим коллегам Алексею Александровичу Василевскому, Дмитрию Артуровичу Ермакову и Петру Вадимовичу Хмелинскому за творческую помощь в подготовке материалов книги.

Октябрь 2005

ОБ ОДНОМ МОСКОВСКОМ ДОЛГОЖИТЕЛЕ (В. М. МОЛОТОВ)

«Часы у меня еще остались»

Одна из моих знакомых, торопясь на работу, забыла дома часы. Проходя по улице Грановского, она увидела стоявшего на тротуаре старичка небольшого роста. «Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени?» – спросила женщина. «Слава богу, часы у меня еще остались», – произнес старик и назвал время. Когда он поднял лицо, женщина, дочь одного из расстрелянных в 1937 году старых большевиков, с удивлением узнала в старике Молотова, человека, который в 30-е годы возглавлял советское правительство и фамилия которого еще в конце 40-х годов при перечислении членов Политбюро ЦК ВКП(б) неизменно стояла на втором месте после Сталина.

Однако многие молодые люди, с которыми мне приходилось беседовать в последнее время, даже не знают имени Молотова. Мне это не кажется странным, хотя очень удивило однажды такого вдумчивого американского журналиста, как Хедрик Смит.

«Люди Запада забывают, – пишет он в своей книге “Русские”, – что из своего далека они подчас знают о некоторых исторических событиях в Советском Союзе больше, чем русская молодежь. Для меня наиболее наглядным примером этого явления служит один эпизод, произошедший с Аркадием Райкиным, знаменитым советским эстрадным актером. Как-то зимой с ним случился сердечный приступ, и его положили в больницу, где актера навестил его 18-летний внук. Вдруг Райкин подскочил на кровати, пораженный тем, что мимо палаты прошел Вячеслав Молотов, ближайший из оставшихся в живых соратников Сталина, в прошлом председатель Совета Министров и министр иностранных дел.

– Это он! – ахнул Райкин.

– Кто? – спросил внук; лицо человека, прошедшего по коридору, было ему незнакомо...

– Молотов, – пробормотал Райкин.

– А кто это, Молотов? – спросил юноша с ошеломляющим неведением. Такая историческая глухота, как сказал один ученый средних лет, привела к развитию поколения молодых, не знающих ни злодеев, ни героев и поклоняющихся разве что звездам западной рок-музыки»¹.

Конечно, люди старшего поколения хорошо помнят Молотова. Однако и они, в сущности, ничего не знали ни о судьбе экс-премьера в последние 20 лет, ни даже о том, жив ли он. Поэтому они с большим удивлением прочли в конце 1986

---

¹ Смит Х. Русские. Нью-Йорк, 1976. С. 195–196.

года короткое извещение Совета Министров СССР о смерти на 97-м году жизни Молотова В. М., бывшего с 1930 по 1941 год председателем Совета народных комиссаров. Это прозвучало для многих и как извещение о смерти, и как возвращение имени Молотова из политического небытия.

Молотов вступил в партию большевиков в 1906 году, и он, вероятно, был в последний год своей жизни самым старым из членов партии. До конца 70-х годов старейшим членом партии в нашей стране была Фаро Ризель Кнунянц, которая примкнула к движению социал-демократов в 1903 году. Однако она умерла в конце 1980 года в возрасте 97 лет. В 1983 году в возрасте 99 лет умер Тимофей Иванович Иванов, член КПСС с 1904 года. Летом 1985 года также в возрасте 99 лет умерла Анна Николаевна Бычкова, вступившая в партию в июне 1906 года. Теперь умер и Молотов...

Но если Молотов мало побыл самым старым членом партии, то он, несомненно, был долгое время единственным из оставшихся в живых членов ЦК партии начала 20-х годов. Лишь немногие из них умерли естественной смертью, большинство были расстреляны или погибли в тюрьмах и лагерях. И Молотов приложил немало сил к уничтожению всех этих людей.

Карьера при Ленине

Настоящая фамилия Молотова Скрябин. Когда он начал впервые печататься в большевистских газетах, его небольшие заметки и статьи появлялись под разными псевдонимами. Только в 1919 году на брошюре об участии рабочих в хозяйственном строительстве автор поставил псевдоним «Молотов», который вскоре и стал его постоянной фамилией.

Многие считали почему-то, что Молотов происходил из дворянской семьи. Это не так. Он родился 9 марта 1890 года в слободе Кукарка Вятской губернии и был третьим сыном мещанина Михаила Скрябина из города Нолинска. Отец Молотова был обеспеченным человеком и дал своим сыновьям неплохое образование. Вячеслав окончил в Казани реальное училище и даже получил музыкальное образование. В России происходила революция, и большинство казанской молодежи было настроено весьма радикально. Молотов вступил в один из кружков самообразования, где изучали марксистскую литературу. Здесь он подружился с Виктором Тихомирновым, сыном богатого купца и наследником крупного состояния, который тем не менее вошел в большевистскую группу в Казани еще в 1905 году. Под влиянием Тихомирнова Молотов также вошел в эту группу в 1906 году. В 1909 году Молотов был арестован и сослан в Вологду. По окончании ссылки он приехал в Петербург и поступил в Политех-

нический институт. В 1912 году в столице начала выходить первая легальная большевистская газета «Правда». Одним из ее организаторов был Тихомирнов, передавший на нужды газеты крупную сумму денег. К работе в газете Тихомирнов привлек и Молотова, который опубликовал в ней несколько статей. Позднее, уже в 30-е годы, Молотов всячески покровительствовал дочери своего друга – балерине И. Тихомирновой, танцевавшей в Большом театре.

Из-за арестов и эмиграции многих лидеров партии не только петербургская, но и вся российская организация большевиков оказалась в начале войны без руководителей. Только осенью 1915 года под руководством А. Шляпникова в Петрограде было вновь создано Русское бюро ЦК. Годом позже в него вошел и 26-летний Молотов. Естественно, что в первые дни Февральской революции он оказался заметной фигурой. В марте 1917 года входил в редакцию «Правды» и в исполком Петроградского совета.

Но после возвращения из ссылки и эмиграции руководителей партии Молотов отошел на вторые роли. Он не обладал ни ораторским талантом, ни сильной волей, ни революционной энергией. Поэтому не смог сколько-нибудь отличиться ни в бурные месяцы революции 1917 года, ни в годы последовавшей за ней Гражданской войны. Но Молотов показал себя человеком исполнительным, усидчивым и старательным. К тому же он имел почти законченное техническое образование. В 1918 году Молотов возглавил Совет народ-

ного хозяйства Северного района, в который входили тогда 7 губерний бывшей России и Карельская трудовая коммуна. В 1919 году он руководил восстановлением хозяйства и советских организаций в Поволжье. Летом 1919 года во время совместной поездки на агитпароходе «Красная звезда» Молотов познакомился с Н. К. Крупской. Знакомство с Лениным произошло еще раньше, в апреле 1917 года.

Вскоре у Молотова стали возникать острые конфликты с местными работниками. Это привело к тому, что его отозвали из Поволжья и направили на Украину, где он работал всего несколько месяцев. В этот период центральный аппарат РКП (б) значительно увеличился, что было естественно в условиях однопартийной системы. К тому же в марте 1919 года умер Я. М. Свердлов, который почти единолично и оперативно руководил до этого аппаратом партии. Было решено создать секретариат ЦК на коллегиальной основе, и в 1920 году пленум ЦК избрал секретарями ЦК Н. Н. Крестинского, Е. А. Преображенского и Л. П. Серебрякова. Все они были сторонниками Троцкого, и после «профсоюзной дискуссии» Ленин принял решение полностью обновить состав секретариата. Это удалось сделать после X съезда РКП (б), на котором платформа Троцкого и его группа потерпели поражение. В новый секретариат и в состав ЦК был избран Молотов. Он стал не только секретарем ЦК, но и кандидатом в члены Политбюро. Работая в секретариате, Молотов проявил чрезвычайную усердность в канцелярской работе, однако ему не

хватало самостоятельности и авторитета. К тому же Ленина крайне раздражал столь ненавистный ему бюрократизм, который с самого начала был присущ работе многих созданных при ЦК РКП (б) вспомогательных отделов. Весной 1922 года было решено реорганизовать секретариат, расширить его права и функции и поставить во главе этого органа одного из членов Политбюро. Зиновьев и Каменев предложили кандидатуру Сталина, и Ленин согласился с этим предложением.

Карьера при Сталине

Новый секретариат ЦК был сформирован после XI съезда партии в составе Сталина, Молотова и Куйбышева. Сталин, ставший теперь генеральным секретарем, оставил Молотова в секретариате не только потому, что последний проявил по отношению к нему полную и безусловную лояльность. Сталин оценил также бюрократическую старательность и работоспособность Молотова. Тот не был создан для первых ролей, и его почти не видели среди рабочих и крестьян. Зато он аккуратно вел бесчисленное количество дел, выполняя ту канцелярскую часть работы секретариата, которую не слишком любил делать Сталин. Большевики первого поколения, не особенно ценившие кабинетную работоспособность, уже тогда дали Молотову презрительную кличку «каменная задница».

На похоронах В. И. Ленина Молотов нес гроб вождя вместе с другими членами и кандидатами в члены Политбюро. Хроникеры «Правды» писали 28 января 1924 года: «4 часа. Тт. Сталин, Зиновьев, Каменев, Молотов, Бухарин, Рудзутак, Томский и Дзержинский поднимают гроб и, обойдя помост со стороны Красной площади, следуют с телом Владимира Ильича к склепу. Впереди знаменосцы».

В 20-е годы Молотов почти всегда рядом со Сталиным. Молотов активно участвует в борьбе против троцкистской,

а затем против зиновьевской и «объединенной» оппозиций. На съездах партии он обычно делает доклады по организационным вопросам, часто пишет для «Правды», выпускает одну за другой брошюры и книги: «Вопросы партийной практики», «Партия и ленинский призыв», «Ленин и партия за время революции», «Об уроках троцкизма», «Политика партии в деревне». Хотя Молотов никогда не был знатоком аграрного вопроса, именно он возглавил с 1924 года комиссию ЦК по работе в деревне. В 1928–1929 годах Молотов, теперь уже полноправный член Политбюро, без колебаний поддержал Сталина в борьбе с так называемым правым уклоном.

Особое усердие он проявил в борьбе с правыми в Московской партийной организации, неистово обвиняя «оппозицию» и ее лидера Н. А. Угланова. И если на XV съезде партии Молотов фактически высказался против принудительного изъятия хлеба и предупредил, что подобная линия «ведет к разрушению Советского государства», то месяц спустя он уже настаивал на диаметрально противоположной точке зрения, резко раскритиковав решения пленума МГК ВКП(б), выступившего против чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок. Молотов и здесь следовал за «хозяином». В ноябре 1928 года он стал первым секретарем МГК ВКП(б), оставаясь одновременно одним из секретарей ЦК. В газете «Московская правда» приведены интересные факты о его руководстве: за сто тридцать дней пребывания на посту первого секретаря МГК Молотов действительно сплотил

коммунистов столицы вокруг «вождя», перетряхнув практически все руководство Московской партийной организации. Из шести заведующих отделами МГК четверо были освобождены, из шести секретарей райкомов столицы продолжали выполнять партийные обязанности только двое. По сравнению с прошлыми выборами почти на 60 процентов был обновлен состав бюро МГК. Из 157 избранных членов Московского комитета в прежний его состав входили 58. Из членов МГК выбыли Бухарин, Рютин, а избрали Кагановича и других явных сталинцев. Молотов с блеском выполнил поручение Сталина, разрубив «тугой узел» в столичной парт-организации².

Сухой, деловитый, как бы лишенный эмоций, Молотов беспрекословно выполнял любые указания и директивы Сталина. И Сталин оценил эту покорность. Когда после отставки А. И. Рыкова оказался вакантным пост председателя Совета народных комиссаров, Сталин предложил именно Молотова избрать главой советского правительства. На заседании ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 года Молотов выступил с речью, в которой сказал:

«Сейчас, ввиду моего нового назначения, я не могу не сказать несколько слов о себе, о своей работе. У меня как у коммуниста нет и не может быть большего желания, чем быть на деле учеником Ленина. Мне недолго пришлось работать под непосредственным руководством Ленина. В течение послед-

---

² См.: Буков К., Самородов А. Правая рука // Московская правда. 1989. 6 апр.

них лет мне пришлось... проходить школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под руководством товарища Сталина. Я горжусь этим. До сих пор мне приходилось работать в качестве партийного работника. Заявляю вам, товарищи, что и на работу в совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета»³.

Конечно, Молотов немало поработал в годы первой и второй пятилеток, хотя основная тяжесть работы по созданию советской промышленности легла на плечи народных комиссаров и их главных помощников. Не со всеми Молотов ладил; частыми были, например, его конфликты с наркомом тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, а также с наркомом С. С. Лобовым и некоторыми другими. Но Сталин обычно всегда поддерживал Молотова. Сталину нравилась не только неутомимая и лояльная деятельность Молотова, но и то, что тот был человеком маленького роста. Крупные, высокие и красивые люди раздражали низкорослого и рябого диктатора. В знаменитом стихотворении О. Мандельштама о Сталине, которое стоило поэту жизни, есть строка:

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей...

---

³ Молотов В. В борьбе за социализм. М., 1935. С. 76.

Как писала позднее вдова Мандельштама, «“тонкую шею” Осип заметил у Молотова – она торчала из воротничка, увенчанная маленькой головкой»⁴.

---

⁴ *Манделъштам Н. Я.* Воспоминания. Париж, 1970. С. 167.

Молотов: на волосок от ареста

Еще при проведении коллективизации и насильственном выселении богатых, да и многих бедных крестьян и середняков в 1930–1931 годах Молотов выезжал в отдельные районы страны в качестве чрезвычайного уполномоченного, наделенного неограниченными правами. Особенно зловещую роль играл он на Украине, где в 1932 году руководил хлебозаготовками в южных областях.

Страшная хроника пребывания Молотова на Украине такова. В один из первых приездов туда в конце декабря 1931 года Молотов выступил на заседании Политбюро ЦК КП(б)У, отметив крайне неудовлетворительное выполнение плана хлебозаготовок и возникшую прямую угрозу их срыва. Он потребовал применения «особых мер» и повышения «большевистской бдительности в отношении классового врага». Достижение плана любой ценой означало усиление карательных мер. В октябре 1932 года Молотов вновь на Украине, чтобы обеспечить выполнение хлебозаготовок. При его непосредственном участии осуществлен ряд репрессивных мероприятий. На очередном заседании Политбюро Украины, на котором присутствовал Молотов, вся вина за невыполнение плана была возложена на местные парторганизации. Кроме того, было решено применять взыскания, штрафы и судебные репрессии к единоличникам, уклоняв-

шимся от хлебозаготовок. Согласно специальной инструкции, допускалось изъятие земли и высылка за пределы области. Затем 17–18 ноября на специальном заседании Политбюро Украины также с участием Молотова были ужесточены меры по отношению к колхозам-должникам. В проведении репрессий использовался весь «богатый» опыт насилия, полученный комиссией Кагановича на Северном Кавказе. Предполагалось провести массовые чистки среди сельских коммунистов⁵. Результаты «аграрной политики» Молотова – тысячи жизней, тысячи искалеченных судеб. Но последствия кампании хлебозаготовок были еще ужаснее. Украину охватил страшный голод, унесший миллионы жизней.

Однако, когда в 1936 году в Москве под руководством Сталина, Ежова и Ягоды началась подготовка первого «открытого» судебного процесса над группой Зиновьева – Каменева, реальная опасность нависла и над самим Молотовым. У него были на этот счет какие-то разногласия со Сталиным. Об этом писал в своей книге, впервые увидевшей свет в США еще в 1953 году⁶, Александр Орлов (Лев Фельдбин), крупный советский разведчик, бывший генерал НКВД, работавший в Испании и отказавшийся вернуться в СССР на верную гибель. Он тщательно скрывался в США даже от

---

⁵ Подробнее об этом см.: *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // *История СССР.* 1989. № 2. С. 12–13.

⁶ Сейчас главы из этой книги опубликованы и у нас. См.: *Огонек.* 1989. № 46–52.

американских властей и сумел пережить Сталина на 20 лет. Вот что писал А. Орлов: «Из официального отчета о процессе “троцкистско-зиновьевского центра” видно, что, перечисляя на суде фамилии руководителей, которых центр намеревался убить, никто ни разу не упомянул фамилию Молотова. Между тем Молотов занимал в стране первое место после Сталина и был главой правительства. Подсудимые заявляли, что они готовили террористические акты против Сталина, Ворошилова, Кагановича, Жданова, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, но к Молотову подобные злодейские замыслы почему-то не относились. Но ничего таинственного в этом нет. С самого начала следствия сотрудникам НКВД было приказано получить от арестованных признания, что они готовили террористические акты против Сталина и всех остальных членов Политбюро. В соответствии с такой директивой Миронов потребовал от Рейнгольда, который согласился... давать показания против старых большевиков, чтобы тот засвидетельствовал, что бывшие лидеры оппозиции готовили убийство Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Кирова и других вождей. В СССР принято перечислять эти фамилии в строго определенном порядке, который показывает место каждого из них в партийной иерархии; соответственно этому порядку Молотов и был назван в показаниях Рейнгольда сразу после Сталина. Но когда протокол этих показаний был представлен Сталину на утверждение, тот собственноручно вычеркнул Молотова. После этого следовате-

лям и было предписано не допускать того, чтобы имя Молотова фигурировало в каких-либо материалах будущего процесса.

Этот эпизод вызвал в среде руководителей НКВД понятную сенсацию. Напрашивался вывод, что логически должно последовать распоряжение об аресте Молотова, чтобы посадить его на скамью подсудимых вместе с Зиновьевым и Каменевым как соучастника заговора. Среди следователей начал циркулировать слух, что Молотов уже находится под домашним арестом. В НКВД никто, исключая, быть может, Ягоду, не знал, чем Молотов навлек на себя сталинское недовольство, но, если верить тогдашним упорным слухам, Сталина рассердили попытки Молотова отговорить его устраивать позорное судилище над старыми большевиками.

Вскоре Молотов отправился на юг отдыхать. Его неожиданный отъезд тоже был воспринят верхушкой НКВД как зловещий симптом, больше того – как последний акт разворачивающейся драмы. Все знали, что не в обычаях Сталина убирать наркома или члена Политбюро, арестовывая его на месте, при исполнении служебных обязанностей. Прежде чем отдать распоряжение об аресте любого из своих соратников, Сталин имел обыкновение отсылать их на отдых или объявлять в газетах, что такой-то получил (либо получит) новое назначение. Зная все это, руководство НКВД со дня на день ожидало распоряжения об аресте Молотова. В “органах” были почти уверены, что его доставят из отпуска не в

Кремль, а во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Сталин держал Молотова между жизнью и смертью шесть недель и лишь после этого решил “простить” его. Молотов все еще был ему нужен. Среди заурядных, малообразованных чиновников, коими Сталин заполнил свое Политбюро, Молотов был единственным исключением. Его отличала невероятная работоспособность. Он освобождал Сталина от тяжелого бремени управления текущими государственными делами. Кроме того, Молотов оставался единственным, не считая самого Сталина, членом Политбюро, кто с полным правом мог назвать себя старым большевиком, так как оставил определенный след в предреволюционной истории партии.

К удивлению энкавэдэшной верхушки, Молотов вернулся из отпуска к своим обязанностям председателя Совета народных комиссаров. Это означало, что между Сталиным и Молотовым достигнуто перемирие, хотя, может быть, и временное»⁷.

---

⁷ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж, 1983. С. 154–159.

Активное участие в массовых репрессиях

После описанного выше эпизода Молотов перестал возражать против проведения репрессий, более того, он принял самое активное участие в организации массового террора 1937–1938 годов.

Из двадцати пяти народных комиссаров, входивших в СНК СССР в 1935 году, не погибли в годы репрессий лишь Микоян, Ворошилов, Каганович, Литвинов да и сам Молотов. Из 28 человек, составивших Совет народных комиссаров в начале 1938 года, были вскоре репрессированы 20 человек. И Молотов отнюдь не был пассивным наблюдателем этой страшной «мясорубки». Он активно помогал крутить ее ручку Сталину, Ежову и Берии. Именно Молотов выступил на февральско-мартовском (1937 года) пленуме ЦК с большим докладом, в котором призвал всю партию усилить борьбу с «вредителями» и «шпионами» внутри партии, то есть с теми «вредителями», которые носят в своем кармане партийный билет и громче других кричат, что они защищают интересы и линию партии. Этот доклад был опубликован отдельной брошюрой под заголовком «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецких троцкистских агентов». Молотов не только подписывал после Сталина многие из проскрипционных списков, прибавляя нередко

к своей подписи и матерную брань в адрес осужденных. Он был инициатором многих арестов в аппарате СНК СССР. По его требованию были арестованы Г. И. Ломов и К. В. Уханов, а также первый секретарь Уральского и Свердловского обкомов партии И. Д. Кабаков и многие председатели облисполкомов.

В ходе развернувшихся массовых репрессий ни суд, ни «тройки» не справлялись с напряженной работой. Чтобы упростить и ускорить процесс, Молотов внес «рационализаторское предложение» не разбираться с каждым отдельно, а наказывать и судить списками.

Были случаи, когда при просмотре поданных списков вместо санкции на тюремное заключение Молотов ставил рядом с некоторыми фамилиями зловещие буквы «ВМН», то есть «высшая мера наказания». Но, как уже говорилось, рукой Молотова делались и некоторые другие категорические надписи. Так, в ответ на записку Сталина, как поступить с Ломовым, однозначно заключил: «За немедленный арест этой сволочи Ломова».

Пожалуй, исключительный для биографии Молотова случай приводит в своих воспоминаниях известный в прошлом футболист «Спартака» Николай Старостин: против братьев Старостиных Берией было сфабриковано обвинение в создании террористической организации среди спортсменов. Однако случилось непредвиденное. Молотов не подписал ордера на этот арест. Редчайший случай – Берии не удалось осу-

ществить задуманное⁸.

В годы массовых репрессий как рядовые коммунисты, так и многие из видных деятелей науки и культуры обращались не только к Сталину, но и к Молотову, Калинин у с просьбой защитить арестованных или подвергшихся несправедливым преследованиям. Особенно активно защищал видных советских ученых П. Л. Капица. И многие из его усилий увенчались успехом. Но не тогда, когда он обращался к Молотову. Так, например, подробное письмо Капицы Молотову с просьбой прекратить начавшуюся в печати недостойную травлю крупнейшего советского математика академика Н. Н. Лузина было доставлено обратно Капице с резолюцией: «За ненужностью вернуть гр-ну Капице. В. Молотов»⁹.

Более красноречивой была переписка Молотова с выдающимся русским ученым И. П. Павловым. Поводом для обращения послужило убийство С. М. Кирова и развернувшаяся после него кампания массовых репрессий. В письме от 21 декабря 1934 года с присущими ему бесстрашием и откровенностью Павлов называет вещи, происходящие в стране, своими именами: «Вы делаете... эксперимент... эксперимент страшно дорогой (и в этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни...

---

⁸ См.: *Вайнштейн А.* Дело братьев Старостиных // *Московские новости.* 1989. 29 янв.

⁹ «За ненужностью вернуть гр-ну Капице...» Три письма из личного архива // *Советская культура.* 1988. 21 мая.

Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия...» Нравственно последовательной и бескомпромиссной позиции русского ученого противостояли казуистика и псевдонаучная объективность ответа Молотова с его общими абстрактными словами об «успешно строящемся бесклассовом социалистическом обществе, обществе подлинно высокой культуры и освобожденного труда, несмотря на все трудности борьбы с врагами этого нового мира»¹⁰. В том же духе, со ссылками на историческую и государственную необходимость (с некоторыми ошибками) Молотов оправдывает многочисленные репрессии в Ленинграде, против которых постоянно выступал И. П. Павлов.

Необходимо также сказать, что многие арестованные и невинно осужденные направляли прошения на имя Молотова. Среди них было и полное отчаяния заявление В. Э. Мейерхольда с отказом от признаний, выбитых из него жестокими пытками. Впрочем, это письмо, как и тысячи других, оставалось без ответа.

Как известно, Н. С. Хрущев был назначен Первым секретарем ЦК КП Украины только в январе 1938 года, когда почти весь партийный и государственный актив этой республики уже был разгромлен. Главными дирижерами и руководителями погромной кампании на Украине были Молотов и Каганович. Во второй половине 30-х годов Молотов был,

---

¹⁰ «Протестую против безудержного своевластия». Переписка академика И. П. Павлова с В. М. Молотовым // Советская культура. 1989. 14 янв.

безусловно, вторым человеком в государстве и обладал громадной властью.

Один из советских музыкантов, Юрий Елагин, оказавшийся в эмиграции после Второй мировой войны, опубликовал в 1952 году книгу «Укрощение искусств». В ней он описывает посещение Молотовым Театра имени Вахтангова, в котором тогда работал Елагин:

«Как-то раз, вскоре после начала нового сезона осенью 1938 года, я шел, как обычно, на очередной вечерний спектакль. По пустынной всегда в это время улице Вахтангова неторопливо шагали личности в штатских пальто и в военных сапогах, пытливо вглядываясь в каждого прохожего. У недавно выстроенного подъезда правительственной ложи стояло несколько автомобилей.

...В нашей раздевалке поразило меня молчание и серьезная обстановка, без обычных шуток и смеха. Я разделся и со скрипкой в руках направился к двери, ведущей в большой коридор.

– Предъявите документы, товарищ, – услышал я тихий, но очень уверенный голос. Тут только я обратил внимание на человека в синем костюме и в военных галифе, стоявшего у этой двери и проверявшего документы у всех входивших. Подавив возникшее у меня инстинктивно чувство внутреннего протеста, я достал театральное удостоверение и протянул его человеку в галифе. Он долго, внимательно читал его и сверял фотокарточку с моей собственной физиономией.

– Проходите, – тихо сказал он, разрешая мне пройти в фойе нашего оркестра, в которое я входил каждый вечер вот уже в течение семи лет моей службы в театре. Некоторые наши актеры не вытерпели и возмутились.

– Зачем я буду показывать документы в моем театре? – сказал артист Шухмин человеку в галифе. – Я здесь двадцать лет служу. Меня каждая собака здесь знает. А вот я-то вас не знаю и в первый раз в жизни вижу.

– Предъявите документы, – еще тише и серьезнее произнес человек в галифе. – Иначе вы не будете допущены к участию в спектакле и пойдете под суд как прогульщик...

...Я хотел было пройти к моему месту, как вдруг отделившаяся от стены фигура загородила мне дорогу.

– Вам что здесь нужно, товарищ? – Вопрос этот, как ни странно, задал не я незнакомой личности, а личность мне.

– Я играю в оркестре, – ответил я. – Я хотел бы настроить скрипку.

– Еще рано, товарищ, – сказала личность. – Очистите помещение.

Позже, когда спектакль начался, личность молча сидела в углу на стуле рядом с контрабасами и внимательно наблюдала за каждым из нас. В перерыве между музыкальными номерами мы любили подходить к барьеру оркестра и смотреть действие на сцене. Кто-то из нас попробовал сделать это и на этот раз. Но личность с быстротой молнии вскочила со своего стула, подошла к любопытному и сказала очень кратко,

но твердо:

– Товарищ, сядьте на ваше место.

В тот вечер впервые был гость в новой правительственной ложе. Сам Молотов приехал смотреть наш спектакль»¹¹.

Не только Сталин, но и Молотов прекрасно знал в 1937 году об огромном масштабе проводившихся в стране репрессий. По свидетельству Д. А. Волкогонова, в наших архивах есть материалы, из которых видно, что В. Ульрих, заместитель председателя Верховного суда СССР, вместе с Вышинским регулярно докладывали Сталину (чаще одновременно Молотову и Ежову) о процессах и приговорах. В 1937 году ежемесячно Ульрих представлял «сводку» об общем числе приговоренных за «шпионско-террористическую и диверсионную деятельность»¹².

В 1937 году в Москве проходил Первый Всесоюзный съезд архитекторов. По свидетельству С. Е. Чернышева (он входил в состав делегации съезда, посетившей Молотова), кто-то из архитекторов стал критиковать постройки немецкого архитектора Эрнста Мая, работавшего в СССР в качестве иностранного специалиста.

– Жаль, что выпустили, – заметил Молотов. – Надо было посадить лет на десять.

Молотов обладал огромной властью в стране. Его 50-летие было отмечено в марте 1940 года не только высокими на-

---

¹¹ Елагин Ю. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952. С. 101.

¹² См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 117.

градами и приветствиями со всех сторон. Крупнейший промышленный центр страны – город Пермь – был переименован в Молотов. Появились на карте СССР и три Молотовска, два Молотовабада, мыс Молотова и пик Молотова. К этому надо прибавить тысячи колхозов, предприятий и институтов имени Молотова.

Пакт Молотова – Риббентропа

В 30-е годы Молотов и как член Политбюро, и как председатель СНК должен был заниматься различными вопросами внешней политики. Он далеко не всегда был согласен с мнением и предложениями наркома иностранных дел М. М. Литвинова. Об отношениях Молотова и Литвинова бывший ответственный сотрудник НКВД Е. А. Гнедин свидетельствует:

«В американской книге Поупа “Литвинов” высказано совершенно нелепое предположение, будто Литвинов сам предложил в качестве своего преемника на пост наркома “своего друга” Молотова. Хотя Литвинов нам никогда не говорил о своих отношениях с Молотовым, все же было известно, что отношения плохие. Литвинов не мог уважать ограниченного интригана и пособника террора Молотова. Тот, в свою очередь, явно не любил Литвинова, единственного наркома, сохранившего самостоятельность и чувство достоинства. Неприязнь председателя Совнаркома к наркому иностранных дел, между прочим, сказывалась на положении центрального дипломатического аппарата. Молодые карьеристы жаловались, что ставки в НКВД ниже, чем на соответствующих должностях в других наркоматах»¹³.

---

¹³ Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Нью-Йорк, 1977. С. 34–35.

В мае 1939 года Литвинов был смещен с поста наркома и заменен Молотовым, который оставался также главой советского правительства. В окружении Сталина Молотов считался сторонником сближения между СССР и Германией. Еще в 1937 году торгпред СССР в Германии Д. В. Канделаки вел переговоры от имени Сталина и Молотова с советником Гитлера министром Шахтом об улучшении политических и экономических отношений между Германией и СССР. Эти переговоры велись в обход наркомата иностранных дел. Поэтому назначение Молотова наркомом иностранных дел было воспринято как приглашение Германии к переговорам. Для западных демократий решение Сталина сместить Литвинова оказалось полной неожиданностью. Как вспоминал позднее посол США в Москве Ч. Болен: «...Мы в посольстве плохо понимали, что происходит. Британский посол Вильям Сиде рассказывал нам, что разговаривал с Литвиновым за несколько часов до сообщения о его смещении и не заметил никаких намеков на предстоящую перестановку. Такого же мнения были и другие работники дипкорпуса»¹⁴.

Ответственный сотрудник НКВД А. Рошин описывал недавно обстановку, которая сложилась в наркомате после смещения Литвинова:

«На другой день после сообщения о назначении В. М. Молотова наркомом иностранных дел... мне позвонили и предложили срочно прибыть в наркомат. Когда я приехал, в при-

---

¹⁴ Bohlen C. Witness to History. N. Y., 1973. P. 64.

емной наркома уже находились заведующие отделами и начальники управлений, члены парткома. Все настороженно ждали вызова в кабинет, где заседала правительственная комиссия по передаче дел прежнего наркома вновь назначенному...

Вторым в кабинет наркома вызвали меня. За столом для заседаний сидели Г. М. Маленков, В. М. Молотов, М. М. Литвинов, Л. П. Берия, В. Г. Деканозов. Маленков был одет в защитного цвета гимнастерку с широким ремнем военного типа. Литвинов был в синем кителе, в котором он обычно работал в НКВД. Молотов и Берия были в гражданских костюмах, а Деканозов, только что назначенный замнаркома иностранных дел, был в форме офицера госбезопасности. Литвинов представил меня членам комиссии.

Мне стали задавать вопросы. Наибольшую активность при этом проявил Берия. Молотов и Литвинов в основном молчали. Маленков ходил по кабинету, засунув руки за пояс, изредка спрашивая. Деканозов, видимо, чувствовал себя неловко в столь именитой компании руководящих деятелей страны. Он смотрел немигающими глазами и молчал.

К вопросам, которые задавал мне Берия, приходилось быть особенно внимательным...

Впоследствии выявились причины смещения М. М. Литвинова...

В. М. Молотов говорил на собрании НКВД в июле 1939 года: "Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партий-

ной линии, линии ЦК ВКП(б) в наркомате. Неверно определять прежний НКВД как не большевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКВД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в НКВД»¹⁵.

Еще в 1937–1938 годах жертвами массовых репрессий и террора стали многие дипломаты, служащие посольства, работники Наркомата иностранных дел. Эти аресты стали затихать в первые месяцы 1939 года. Однако, как только Литвинов был смещен со своего поста и главой НКВД был назначен Молотов, репрессии возобновились с новой силой. Решение о смещении Литвинова было объявлено 3 мая 1939 года, а уже 4 мая была арестована группа ближайших его сотрудников, включая П. С. Назарова, работавшего секретарем Литвинова. Выступая на партийном собрании НКВД в июне 1939 года, Молотов заявил, что Назаров оказался итальянским шпионом. Излишне говорить, что все эти сотрудники НКВД в 50-е годы были реабилитированы¹⁶. Среди арестованных был и заведующий отделом печати НКВД Е. А. Гнедин. Из тюрьмы на Лубянке он написал большое заяв-

---

¹⁵ Рошин А. В Наркоминделе накануне войны // Международная жизнь. 1988. № 4. С. 124–126.

¹⁶ См.: Назарова З. Письмо в редакцию журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. 1988. № 1. С. 116.

ление на имя Молотова. В воспоминаниях Гнедина можно прочесть: «Неловко признаться, но я тогда еще не потерял надежды, что обращение к председателю Совнаркома, составленное в решительной форме, может положительно отразиться на исходе следствия. Я не ожидал, что Молотов сам вмешается в ход дела, но думал, что во всяком случае заявления из тюрьмы где-то регистрируются, а может быть, и учитываются. Позднее я понял, что наши жалобы и заявления из тюрем и лагерей не играли никакой роли. Уже вернувшись в Москву, я узнал от бывшего работника секретариата Молотова, что тот не только не отзывался на заявления невинных репрессированных людей, не только не читал эти заявления, но приказал не включать заявления репрессированных в реестр поступивших бумаг. Мы были списаны в расход, а наши заявления о нашей невинности списывались в макулатуру»¹⁷.

Из резолюции собрания в НКВД от 23 июля 1939 года: «Только с приходом нового руководства во главе с товарищем Молотовым в наркомате начал наводиться большевистский порядок. За этот короткий промежуток времени проделана огромная работа по очищению НКВД от негодных, сомнительных и враждебных элементов»¹⁸.

Узнав о смещении Литвинова, Германия не заставила себя ждать, и Гитлер немедленно дал инструкции германско-

---

¹⁷ Гнедин Е. Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977. С. 291.

¹⁸ Цит. по: *Роцин А.* В Наркоминделе накануне войны. С. 126.

му послу Шуленбургу «прощупать» настроения в Москве. Вскоре по инициативе немецкой стороны Вернер фон Шуленбург встретился с Молотовым и его заместителем В. Потемкиным. Посол Германии известил Молотова о готовности Гитлера изменить свое отношение к Советскому Союзу и просил советское правительство рассмотреть возможность начать новый цикл германо-советских переговоров. Молотов ответил уклончиво и заявил, что советской стороне необходимо время, чтобы обдумать предложения Берлина. Со своей стороны он поставил перед Шуленбургом ряд вопросов, например, об отказе Германии поддерживать японские притязания на Дальнем Востоке. Над этим должны были думать Гитлер и Риббентроп. Разумеется, контакты между СССР и Германией были в центре внимания всех иностранных дипломатов в Москве. Тогдашний посол США Болен писал позднее в своей книге «Свидетель истории»:

«Дипломатический корпус в Москве напоминал жужжащий улей – все обсуждали, в каком направлении будут развиваться события. Опасность предстоящего советско-германского сговора видели не все. Были такие, кто считал, что цель всех этих демаршей Молотова состояла в том, чтобы оказать давление на англичан и французов и добиться от них недвусмысленного обещания защищать советскую западную границу. Другие же были уверены, что Сталин на самом деле стремится к сближению с Германией»¹⁹.

---

¹⁹ Bohlen C. Witness to History. P. 74.

Эту уверенность разделял тогда и сам Ч. Болен, у которого в 1939 году был верный и близкий к послу Шуленбургу осведомитель.

Июнь 1939 года не ознаменовался, однако, никакими важными событиями и переговорами в Москве, хотя тайная подготовка к ним велась и в Москве, и в Берлине.

В разгаре лета 1939 года в Ленинград морем прибыли наконец британская и французская делегации для обсуждения в Москве вопроса об оборонительном пакте. Эту англо-французскую делегацию возглавляли французский генерал и престарелый английский адмирал, у которых не было достаточно больших полномочий. Сталин поручил вести с ними переговоры наркому обороны К. Е. Ворошилову. Даже Ч. Болен отмечает, что ни состав этих делегаций, ни их долгий морской путь в СССР не свидетельствовали о серьезных намерениях Англии и Франции в этих переговорах. Между тем как раз в июле активизировались переговоры Молотова и Шуленбурга, и при взаимном желании сторон изменить отношения на этих переговорах отпадали одна за другой накопившиеся трудные проблемы. В начале августа Ч. Болен известил свое правительство, что, по данным его осведомителя, СССР и Германия вплотную приблизились к соглашению. Американское правительство сообщило об этом правительствам Англии и Франции, но это не повлияло на их позиции и инструкции, которые они дали своим делегациям в Москве. Впрочем, и Болен ошибся в предположении, что

переговоры СССР и Германии будут продолжаться еще два-три месяца. Сомнения Сталина и Гитлера развеялись к 19 августа, и было объявлено, что 23 августа Риббентроп прибудет в Москву. Болен свидетельствует:

«После шести лет официально проповедуемой вражды к Гитлеру и нацизму такой поворот событий в глазах многих был подобен землетрясению. Возникшее замешательство отразилось далее на самой церемонии приема Риббентропа в Москве. У русских не было нацистских флагов. Наконец их достали – флаги с изображением свастики – на студии “Мосфильм”, где снимались антифашистские фильмы. Советский оркестр спешно разучил нацистский гимн. Этот гимн был сыгран вместе с “Интернационалом” в аэропорту, куда приземлился Риббентроп. После короткой церемонии Риббентропа увезли в Кремль, где немедленно начались переговоры. В два часа ночи был подписан советско-германский пакт о ненападении»²⁰.

Переговоры вели лично Сталин и Молотов, не думая советоваться с остальными членами Политбюро. Не поставили в известность даже Ворошилова, который еще вел переговоры с англо-французской делегацией.

От Советского Союза договор был подписан, как известно, Молотовым, и поэтому он получил неофициальное название «пакт Молотова – Риббентропа». К этому договору Молотов и Риббентроп подписали секретные протоколы. В

---

²⁰ Ibid. P. 82.

одном из них территория Литвы объявлялась сферой влияния СССР. Одновременно были оформлены довольно поспешно и некоторые другие секретные соглашения о разделе «сфер влияния» в Восточной Европе и в Прибалтике. Их оригиналы в советских дипломатических архивах не сохранились, и можно предположить, что после начала войны они были уничтожены. Однако практика советско-германских отношений в 1939-м – начале 1941 года, несомненно, базировалась на официально подписанных соглашениях. В Бонне оригиналов также до сих пор не обнаружено, но имеются фотокопии, которые признаются всеми западными историками за копии подлинных соглашений. На первом Съезде народных депутатов СССР в Москве в мае-июне 1989 года М. С. Горбачев сообщил, что германский канцлер Г. Коль передал эти копии советскому правительству. Поэтому Съезд народных депутатов образовал специальную комиссию по изучению всего комплекса вопросов, связанных с советско-германскими отношениями 1939–1940 годов.

На втором Съезде народных депутатов СССР по докладу комиссии было принято постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», где говорится, что договор заключался в критической международной ситуации и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигающейся войны. Что касается секретных протоколов, подписанных с Германией в 1939–1941 годах, то съезд осудил факт их подписания и

констатировал, что они были отходом от ленинских принципов советской внешней политики. «Переговоры с Германией по секретным протоколам, – сказано в постановлении, – велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР»²¹.

31 августа 1939 года на внеочередной сессии Верховного Совета СССР Молотов сделал доклад о неожиданном для всех договоре. Сессия единогласно одобрила договор, а уже следующий день – 1 сентября – стал днем начала Второй мировой войны. Германия напала на Польшу, а еще через день Англия и Франция объявили войну Германии.

Из речи того же Молотова 17 сентября по радио советские люди узнали о вступлении Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. В этой речи Молотов прямо заявил о «внутренней несостоятельности и явной недееспособности польского государства».

28 сентября 1939 года Молотов подписал еще один договор с Германией – «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией».

Для ратификации нового договора в Москве было решено снова созвать сессию Верховного совета СССР. 31 октября Молотов сделал доклад на этой сессии. Два положения из него следовало бы напомнить. Так, например, говоря о нацистской и фашистской идеологии, Молотов сказал:

---

²¹ Правда. 1989. 28 дек.

«Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это – дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма” ...»²²

Молотов издевался над Англией и Францией, которые заявили, что цель объявленной ими войны – «уничтожение гитлеризма». Конечно, уже через два года эти слова были полностью забыты, так как и Советскому Союзу пришлось вести не только Отечественную войну, но и войну за уничтожение гитлеризма и фашизма – эта цель была прямо провозглашена Сталиным. В другой части своего доклада Молотов сказал: «Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения польских национальностей»²³.

Эти высказывания Молотова, оскорбительные для чести и достоинства польского народа, героически сражавшегося

---

²² Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 31 октября – 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 9.

²³ Там же. С. 8.

и в сентябре 1939 года, и на протяжении всей Второй мировой войны против гитлеровского нападения и оккупационного режима, еще долго отравляли атмосферу дружбы между Польшей и СССР.

9 сентября 1939 года через германского посла в СССР Шуленбурга Молотов передал свои личные поздравления германскому правительству по случаю вступления немецких войск в столицу Польши Варшаву. Когда в апреле 1940 года в Москву пришла весть о вторжении германских войск в Норвегию и Данию, Молотов направил Шуленбургу послание с выражением понимания и пожеланием успехов. Такое же письмо было получено германским посольством при вторжении немецких войск в Бельгию, Голландию и Люксембург, начавшемся в мае 1940 года. Именно Молотов вел еще осенью 1939 года переговоры с финским правительством об обмене части советской территории в Карелии на Карельский перешеек и часть финских земель близ Ленинграда. Переговоры не принесли успеха, и Молотов потерял терпение. 3 ноября, прервав переговоры, он в угрожающей форме заявил финской делегации: «Мы, гражданские люди, не достигли никакого прогресса. Теперь будет предоставлено слово солдатам».

Фашистская Германия не слишком заботилась о точном соблюдении всех пунктов заключенных с СССР договоров и соглашений. Немецкие войска появились в Финляндии и Румынии. Это вызывало беспокойство в СССР, и осенью 1940

года Сталин направил Молотова для переговоров в Берлин. Он был единственным из советских политических лидеров, кому выпала сомнительная честь пожимать в рейхсканцелярии руку Гитлеру. Однако переговоры в Берлине ни к чему не привели. Гитлер отказался обсуждать проблемы, которые особенно волновали советское руководство. Он предложил вместо этого провести переговоры о присоединении СССР к «антикоминтерновскому пакту» и о разделе Британской империи. Молотов вернулся в Москву, ничего не добившись. Впрочем, вслед ему посол СССР в Берлине представил в Кремль специальный доклад о разного рода событиях и слухах, ходивших в Берлине после отъезда Молотова. В этом докладе была и такая подхалимская фраза: «Гитлеру очень понравился товарищ Молотов».

Через дипломатические каналы Молотов также получал важные сведения, которые говорили о подготовке Германией нападения на СССР. Но новый нарком иностранных дел игнорировал эти данные, опасаясь вызвать раздражение Сталина. Когда уже после нападения Германии посол Шуленбург, вызванный в Кремль к Молотову, передал ему формальное объявление войны, Молотов смог произнести лишь жалкую фразу: «Чем мы это заслужили?»

МОЛОТОВ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Именно Молотов в 12 часов дня 22 июня 1941 года выступил по радио с краткой речью, из которой наша страна узнала о нападении Германии на СССР и о начале войны. Речь Молотова заканчивалась словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Эти слова помнят все советские люди старшего поколения. Почти во всех мемуарах, описывающих этот период, можно найти рассказ об обстоятельствах, в которых находился тот или иной человек, когда он услышал речь Молотова и узнал о начале войны. Многие недоумевали, почему выступил не Сталин, а Молотов. Но долго раздумывать было некогда: уже шла война.

Еще 6 мая 1941 года председателем Совета народных комиссаров СССР стал сам Сталин. Молотов остался его заместителем. Он вошел также в качестве заместителя Сталина в первый состав Государственного Комитета Обороны, которому после начала войны передавалась вся власть в стране. В ГКО на Молотова были возложены главным образом дипломатические задачи – переговоры с политическими руководителями Великобритании, США и других стран. Еще до создания ГКО – всего через несколько дней после начала войны – Молотов пригласил в Кремль посла Великобритании Криппса и сказал ему во время беседы, что в мире сложилась теперь такая ситуация, когда можно было бы под-

крепить взаимную помощь в войне «каким-то соглашением на определенной политической базе». В 1942 году Молотов выезжал в Лондон, чтобы оформить англо-советский военный союз. С такой же миссией он прибыл в Вашингтон для встречи с Рузвельтом и военными и дипломатическими лидерами США.

Фактически лишь однажды Молотову пришлось заниматься в ГКО чисто военными делами. После прорыва немецких войск в октябре 1941 года и окружения под Вязмой крупной группировки советских армий по заданию ГКО в район Гжатска и Можайска выехали члены ГКО Молотов и Ворошилов. Сталин был близок к панике, к тому же он все еще не вполне доверял военным. По заданию Сталина Молотов и Ворошилов должны были как можно точнее выяснить оперативную ситуацию и рекомендовать меры по локализации немецкого прорыва, непосредственно угрожающего Москве. От Молотова в этой поездке было мало пользы. Конкретные меры были предложены группой офицеров Генштаба, возглавляемой А. М. Василевским.

В годы войны у некоторых новых видов оружия появились не только официальные, но и неофициальные названия. Так, например, советские реактивные системы получили у солдат прозвище «катюша». В первые же недели войны против танков стали применяться бутылки с зажигательной смесью. Их изготавливали химические службы полков и дивизий сначала просто из бензина с добавками. Потом они стали при-

бывать из тыла как боеприпасы. Их производили в артелях или даже на лимонадных заводах, причем рецепты зажигательной смеси были различны. Немцы прозвали эти бутылки «коктейлем Молотова». В Советской армии это название не применялось, но на Западе оно бытует до сих пор. Предложение снабжать войска этим оружием исходило не от Молотова, но постановление о массовом производстве этих бутылок как противотанкового оружия было подписано заместителем Председателя ГКО Молотовым. Отсюда, по-видимому, и пошло их неофициальное название. В книге Вильяма Стивенсона «Человек, которого звали неустрашимый» – о работе западных разведок в годы войны – утверждается, что в 1943 году Молотов ездил за 300 километров от линии фронта, чтобы вести с германским руководством переговоры о сепаратном мире. Нам этот факт неизвестен.

Молотов участвовал во всех межсоюзнических конференциях – в Тегеране в 1943 году, в Ялте и в Потсдаме – в 1945 году. Речь шла здесь о координации военных усилий и о послевоенном устройстве Германии, Польши, Балканского полуострова. Еще до конца войны США, СССР, Великобритания и Китай приняли решение о создании после войны организации государств, которая должна будет следить за сохранением мира. Переговоры по этому вопросу велись в 1944–1945 годах и закончились разработкой Устава Организации Объединенных Наций (ООН).

Некоторые из западных дипломатов и государственных

деятелей, часто встречавшихся с Молотовым, позднее в своих мемуарах давали ему обычно очень сходную характеристику. Весьма обстоятельный портрет Молотова мы можем найти в мемуарах Черчилля о Второй мировой войне. Черчилль писал:

«Фигура, которую Сталин двинул теперь на престол советской внешней политики, заслуживает некоторого описания, которое в то время не было доступно ни английскому, ни французскому правительству. Вячеслав Молотов был человеком выдающихся способностей и хладнокровной беспощадности. Он пережил ужасающие случайности и испытания, которым все большевистские лидеры подвергались в годы победоносной революции. Он жил и преуспевал в обществе, где постоянно меняющиеся интриги сопровождались угрозой личной ликвидации. Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смышленные глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера себя держать были подходящим выражением его качеств и ловкости. Больше всех других он годился для того, чтобы быть представителем и орудием политики не поддающейся учету машины. Я встречал его на равной ноге только в переговорах, где иногда проявлялись проблески юмора, или на банкетах, где он благодушно предлагал длинную серию традиционных и бессмысленных тостов. Я никогда не встречал человека, более совершенно представляющего современное понятие робота. И при всем том это все же был, видимо, толковый и остро

отточенный дипломат... один за другим щекотливые, испытующие, затруднительные разговоры проводились с совершенной выдержкой, непроницаемостью и вежливой официальной корректностью. Ни разу не обнаружилась какая-либо щель. Ни разу не была допущена ненужная полуоткровенность. Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире.

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезна и, если заходила далеко, кончалась лганием и оскорблениями. Только раз я как будто видел у него нормальную человеческую реакцию. Это было весной 1942-го, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов. Мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный полет домой. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались для сохранения секрета, я крепко взял его за руку, и мы посмотрели друг другу в лицо. Внезапно он заволновался. За маской оказался человек. Он ответил мне таким же рукопожатием, и это было жизнью или смертью для многих... В Молотове советская машина, без сомнения, нашла способного и во многих отношениях типичного для нее представителя – всегда верного члена партии и последователя коммунистической доктрины... Мазарини, Талейран, Меттерних приняли бы его в свою компанию, если бы существовал другой мир, в который

большевики позволяли себе входить»²⁴.

Чарльз Болен, который нередко встречался с Молотовым и Сталиным в 1945–1946 годах, отмечает в своих мемуарах не только несколько унижительное и даже презрительное отношение Сталина к своему министру иностранных дел, но и раболепное отношение Молотова к Сталину. Болен, в частности, писал:

«Подозрительный по природе и благодаря сталинской выучке, он (Молотов. – *Р. М.*) не рисковал. Где бы он ни был, за границей или в Советском Союзе, два или три охранника сопровождали его. В Чеквере, доме британского премьер-министра, или в Блэйтер-хаусе, поместье для важных гостей, он спал с заряженным револьвером под подушкой. В 1940 году, когда он обедал в итальянском посольстве, на кухне посольства появлялся русский, чтобы попробовать пиццу.

Молотов был прекрасным помощником Сталина. Он был не выше пяти футов четырех дюймов роста, являя пример сотрудника, который никогда не будет превосходить диктатора. Молотов был также великолепным бюрократом. Методичный в процедурах, он обычно тщательно готовился к спорам по ним. Он выдвигал просьбы, не заботясь о том, что делается посмешищем в глазах остальных министров иностранных дел. Однажды в Париже, когда Молотов оттягивал соглашение, поскольку споткнулся на процедурных вопро-

---

²⁴ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1. От войны до войны (1919–1939). Нью-Йорк, 1954. С. 387–388.

сах, я слышал, как он в течение четырех часов повторял одну фразу: “Советская делегация не позволит превратить конференцию в резиновый штамп”, – и отвергал все попытки Бирнса и Бевина сблизить позиции.

В том смысле, что он неумоимо преследовал свою цель, его можно назвать искусным дипломатом. Он никогда не проводил собственной политики, что открыл еще Гитлер на известной встрече. Сталин делал политику; Молотов претворял ее в жизнь. Он был оппортунистом, но лишь внутри набора инструкций. Он пахал, как трактор. Я никогда не видел, чтобы Молотов предпринял какой-то тонкий маневр; именно его упрямство позволяло ему достигать эффекта.

Невозможно определить действительное отношение Сталина к любому из его помощников, но большую часть времени Молотов раболепно относился к своему хозяину»²⁵.

---

²⁵ *Bohlen C. Witness to History. P. 380.*

О легализации церкви и ликвидации Коминтерна

Еще в 20-е годы Молотов активно участвовал в работе Коминтерна под руководством Зиновьева и Бухарина, потом под руководством Сталина. Так, в 1928 году Бухарин попытался утвердить на VI конгрессе Коминтерна значение нэпа для мировой социалистической практики. Но уже на X пленуме ИККИ в июле 1929 года Молотов объявил Бухарина «правым уклонистом, проповедником развязывания нэпа и свободного товарооборота, то есть в конечном счете развязывания капиталистических элементов в нашей стране». Тогда же Молотов раскритиковал и отверг плодотворную идею Бухарина о союзе с социал-демократами, чтобы остановить германский фашизм. Он указал на невозможность подобного союза якобы из-за «перерождения» левого крыла социал-демократов в «социал-фашизм».

Молотов входил в делегации СССР и на всех последующих конгрессах Коминтерна. А в 1943 году именно ему пришлось вести от имени Сталина переговоры с представителями Рузвельта и Черчилля о ликвидации Коминтерна и легализации Русской православной церкви.

В кругах русской эмиграции на Западе, да и среди многих советологов давно уже высказывается мнение о том, что Сталин после тяжелых поражений на фронте в 1941 году об-

ратился за поддержкой к православной церкви. Таким образом он якобы хотел опереться не столько на социалистический патриотизм, сколько на национальные и религиозные чувства русского народа. Но это ошибочное мнение. В речи Сталина от 3 июля 1941 года говорится о защите национальной культуры и государственности не только русского народа, но всех народов СССР, о защите советской власти и необходимости сплотиться вокруг советского правительства и «партии Ленина – Сталина». Ни слова нет о церкви и в речи Сталина от 6 ноября 1941 года, но здесь есть слова об укреплении союза рабочих и крестьян, всех народов СССР, о защите социализма. Торжественное заседание в этот день закончилось пением «Интернационала».

Несомненно, кое-что изменилось в отношениях между Советским государством и церковью сразу же после начала войны. Антирелигиозная пропаганда прекратилась, Союз воинствующих безбожников был распущен, и их журнал «Безбожник» не выходил с июня 1941 года. Но было временно ликвидировано и множество других журналов и обществ, не имеющих отношения к обороне. В кадрах кинохроники иногда показывали разрушенные немцами церкви. Однако в целом к концу 30-х годов Русская православная церковь была фактически разгромлена. Сохранившиеся еще в Москве священники и архиереи были эвакуированы – многие в Ульяновск, и про них в руководящих кругах Москвы никто не вспоминал в течение всего 1942 года. Одна-

ко уже во второй половине 1943 года, то есть после победы под Сталинградом, после разгрома немецких армий на многих фронтах и после боев на Курской дуге, когда победа Советского Союза над Германией для многих наблюдателей уже определилась, западные союзники СССР стали проявлять беспокойство перед перспективой появления Красной Армии в Западной Европе. Надо было как-то успокоить Рузвельта и Черчилля и доказать им, что СССР в данном случае не помышляет о «мировой революции», но только о разгроме немецкого фашизма. С этой целью было решено несколько «перекрасить фасад». В основном это была чисто косметическая операция. Сталин был уверен, что он и после войны сумеет сохранить контроль за деятельностью всех коммунистических партий. Что касается церкви, то никто не собирался возвращать ей прежние позиции. То обстоятельство, что частичное восстановление прав церкви отвечало настроениям многих миллионов простых людей, потерявших в войне своих отцов, мужей и сыновей и потянувшихся за утешением, которое давала церковь, было фактором вторичным.

Решение о роспуске Коминтерна было принято еще в мае 1943 года. Это решение, несомненно, было уступкой западным союзникам СССР, хотя оно отвечало желанию и самого Сталина, никогда не жаловавшего Коминтерн особым вниманием или симпатиями. Что касается церкви, то существенные перемены в ее положении произошли осенью 1943

года. В моем архиве есть несколько свидетельств о встрече Сталина и Молотова с руководителями православной церкви. Эти свидетельства различаются между собой в деталях, но не по существу. Наиболее точное описание дает, по-видимому, А. Э. Левитин-Краснов, находившийся в 1943 году в Ульяновске и хорошо знакомый с некоторыми из видных архиереев. Он свидетельствует:

«3 сентября митрополит Сергей и его приближенные – Колчицкий с семьей и архимандрит Иоанн Разумов – были уже в вагоне. Отъезд проводился в такой спешке, что не успели даже упаковать вещи. Взяли лишь все самое необходимое...

События разворачивались с кинематографической быстротой. На другой день рано утром поезд был в Москве. На вокзале митрополита встречали приехавший из Ленинграда столь же внезапно митрополит Алексей (будущий патриарх) и митрополит Киевский Николай... Неожиданность следовала за неожиданностью: митрополита повезли не в его резиденцию в Баумановском переулке, где он жил 15 лет, а в Чистый переулок, в роскошный особняк, который был до войны личной резиденцией германского посла графа Шуленбурга... 4 сентября утром было объявлено, что вечером предстоит визит в Кремль. В 9 часов вечера в Чистый переулок приехал правительственный автомобиль. В него усадили митрополитов Сергия, Алексия и Николая... Через 10 минут автомобиль въехал в Кремль, а еще через 10 минут они вошли

в обширный кабинет, облицованный деревом, где за столом сидели два человека... Сталин и Молотов. Обменялись рукопожатиями, уселись. Беседу начал Молотов сообщением о том, что правительство СССР и лично товарищ Сталин хотят знать нужды церкви. Два митрополита, Алексей и Николай, растерянно молчали. Неожиданно заговорил Сергей... Митрополит заговорил спокойно, слегка заикаясь, деловым тоном человека, привыкшего говорить о серьезных вещах с самыми высокопоставленными людьми. (Когда Сталин был семинаристом, митрополит Сергей был уже в сане епископа, ректором Петербургской духовной академии.)

Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов, количество которых совершенно не удовлетворяет религиозные потребности народа. Он также заявил о необходимости созыва Собора и выборов патриарха. Наконец, он заявил о необходимости широкого открытия духовных учебных заведений, так как у церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Здесь Сталин неожиданно прервал молчание. “А почему у вас нет кадров? Куда они делись?” – спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексей и Николай смутились... всем было известно, что “кадры” перебиты в лагерях. Но митрополит Сергей не смутился... Старик ответил: “Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза”. Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: “Да, да, как же.

Я семинарист. Слышал тогда и о вас”. Затем он стал вспоминать семинарские годы... Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Разговор диктатора с митрополитом принял непринужденный характер. Затем после чаепития началась деловая беседа.

Беседа затянулась до трех часов ночи. В ней помимо Сталина и Молотова участвовали также технические эксперты. Беседу эту можно назвать в полном смысле этого слова исторической. Во время беседы были выработаны устав Русской церкви и те условия, в которых она существует до сего времени. Как известно, этот порядок в настоящее время вызывает множество нареканий... Но в тот момент, после десятилетнего террора, направленного против церкви, новый порядок являлся, несомненно, прогрессивным шагом, так как означал возможность легального существования для православной церкви.

В конце беседы престарелый, больной митрополит был страшно утомлен. Тут и последовал тот эпизод, о котором упоминает Солженицын. Сталин, взяв митрополита под руку, осторожно, как настоящий иподьякон, свел его по лестнице вниз и сказал ему на прощание следующую фразу: “Владыко! Это все, что я могу в настоящее время для вас сделать”. И с этими словами простился с иерархами.

Через несколько дней в особняке на Чистом переулке был созван Собор епископов (собрать его было нетрудно: в русской церкви было в то время 17 епископов), а в воскресе-

нье 12 сентября, в день Александра Невского, в Елоховском Богоявленском соборе произошла интронизация вновь избранного патриарха, каким стал митрополит Сергей. Русская церковь после 18-летнего перерыва вновь увенчалась патриархом»²⁶.

---

²⁶ *Левитин-Краснов А.* Рук твоих жар. Тель-Авив, 1979. С. 105–108. О встрече Сталина с руководителями Русской православной церкви можно прочесть и в советских изданиях. См., например: *Атеистические чтения.* 1990. Вып. 19. С. 52–55.

Первые годы после войны

В первые годы после войны проведение внешней политики СССР оставалось главной заботой Молотова, хотя по своим личным качествам он мало подходил для работы на дипломатическом поприще. Молотову приходилось не раз выезжать в Нью-Йорк для участия в работе ООН. Его речи на Генеральных Ассамблеях были обычными для него – обстоятельными, сухими и скучными. В тот период у союзников и сторонников США в ООН было большинство голосов, и в Совете Безопасности Молотову очень часто приходилось прибегать к праву вето. В кругах ООН его прозвали в этой связи «Господин НЕТ», слово «нет» Молотов произносил много раз. В его обязанности входило и поддержание связей с НКВД (МГБ) по вопросам разведки.

Разумеется, как член Политбюро Молотов несет ответственность и за все репрессии послевоенных лет: за «ленинградское дело», за арест почти всех членов Еврейского антифашистского комитета, а еще ранее – за выселение многих народностей СССР с их национальной территории. Жертвой одной из этих репрессивных кампаний стала жена самого Молотова – Полина Семеновна Жемчужина.

Еще юной девушкой Полина Жемчужина вступила в партию в 1918 году. Через несколько лет она уже возглавляла женский отдел одного из обкомов партии на Украине. В на-

чале 20-х годов в Москве проходил съезд женотделов, на который приехала и Жемчужина. Но здесь она тяжело заболела и попала в больницу. Молотов, который отвечал за проведение съезда, решил навестить заболевшую делегатку. Потом он приходил к ней еще несколько раз, а после выздоровления Жемчужина уже не вернулась на Украину, а осталась в Москве и стала хозяйкой в доме секретаря ЦК Молотова. Вскоре у них родилась дочь Светлана.

В Кремле Полина Жемчужина очень подружилась с женой Сталина Надеждой Аллилуевой. Молодые женщины часто встречались, были откровенны друг с другом, и для Жемчужиной не было секретом, что отношения между Сталиным и его женой становились все более тяжелыми. В роковой ноябрьский день 1932 года, когда на ужине у Ворошилова Сталин грубо обошелся с Надеждой Аллилуевой, она покинула квартиру Ворошилова вместе с Полиной Жемчужиной, которая долго пыталась успокоить оскорбленную Надежду. Когда утром следующего дня жену Сталина нашли в своей спальне с простреленной головой и с пистолетом в руке, первыми были вызваны сюда Орджоникидзе с женой Зинаидой и Молотов с Полиной. Только после этого разбудили Сталина и сообщили ему о самоубийстве Надежды Сергеевны.

Для мстительного и подозрительного Сталина Полина Жемчужина уже тогда стала персоной non grata. Но Сталин умел ждать и тщательно скрывать свои чувства. Чистки 30-х годов обошли Жемчужину. Более того, она стала занимать

во второй половине 30-х годов ответственные посты в аппарате Совета народных комиссаров. Некоторое время была заместителем наркома пищевой промышленности, наркомом рыбной промышленности, затем начальником Управления косметической промышленности, или Главпарфюмера. На XVIII съезде ВКП(б) она была избрана кандидатом в члены ЦК.

Жемчужина была еврейкой, и, когда во время Отечественной войны в нашей стране был создан Еврейский антифашистский комитет, жена Молотова стала одним из его руководителей.

В 1948 году на Ближнем Востоке появилось еврейское государство Израиль, созданное по решению ООН при активном содействии СССР. Советский Союз был первым государством, которое объявило об установлении с ним дипломатических отношений. Вскоре в Москву приехала посол Израиля Голда Меир. Было естественным, что на различного рода приемах, которые устраивало в Москве израильское посольство, присутствовали и члены Еврейского антифашистского комитета. Голда Меир и Полина Жемчужина не раз беседовали друг с другом.

К этому надо добавить, что у Жемчужиной была родная сестра, которая еще в годы Гражданской войны уехала из России. Полина переписывалась с ней до 1939 года. Если Молотову приходилось заполнять анкету и, в частности, отвечать в ней о «родственниках за границей», то он должен

был писать о сестре и племянниках жены, которые теперь жили в Израиле. Хорошие отношения между Израилем и Советским Союзом длились, однако, недолго. В 1948–1949 годах стала набирать силу пресловутая кампания против «безродных космополитов». Начались массовые репрессии против еврейской интеллигенции и ликвидация почти всех еврейских общественных и национальных организаций. В это время для Сталина и наступил удобный момент расправиться с Полиной Жемчужиной, когда-то ближайшей подругой его жены. По мнению Сталина, она знала слишком много. Конечно, на первый план выдвигались другие обвинения.

Жемчужина была обвинена в «измене Родине», в связях с международным сионизмом. Вопрос о ее аресте обсуждался на Политбюро. После того как Берия изложил данные своего ведомства, все члены Политбюро проголосовали за арест Жемчужиной. Молотов воздержался, но и не выступил с опровержением.

Вернувшись домой, Молотов должен был первым сообщить жене и о решении Политбюро, и о ее близком аресте.

– И ты поверил во всю эту клевету! – кричала в отчаянии Полина Семеновна.

– Но там были представлены такие убедительные документы, – отвечал растерянный и подавленный Молотов.

На следующий день Жемчужину арестовали. Бывший генеральный секретарь ЦК компартии Израиля С. Микунис рассказал в своих воспоминаниях об одной из встреч с Мо-

ЛОТОВЫМ:

«...В 1955 году у меня произошла довольно любопытная встреча с Молотовым... В Кремлевской больнице в Кунцеве, куда меня положили после того, как я немного прихворнул... Здесь совершенно случайно в одном из больничных корпусов я и встретил Молотова. До этого я его видел только один раз в Париже, когда он выступал на съезде сторонников мира... Теперь, в Кунцеве, Молотов был, как и я, в больничной пижаме, но, несмотря на это, он выглядел, как всегда, надменным, выражение лица холодное, жесткое. Увидев его, я подошел к нему и спросил: “Почему вы как член Политбюро позволили арестовать свою жену?” Он окинул меня холодным взглядом и спросил, а кто я, собственно, такой. Я ответил: “Я генеральный секретарь коммунистической партии Израиля, и поэтому я вас спрашиваю, и не только вас, я спрошу об этом ЦК... Почему вы дали арестовать свою жену Полину Жемчужину?” Он с тем же стальным лицом, на котором не дрогнул ни один мускул, ответил: “Потому что я член Политбюро, и я должен был подчиниться партийной дисциплине... Я подчинился Политбюро, которое решило, что мою жену надо устранить...” Вот такая любопытная была сценка»²⁷.

---

²⁷ Цит. по: Время и мы. Иерусалим; Париж; Нью-Йорк, 1979. № 48. С. 161–162.

Молотов в опале

В 1949 году Сталин часто и подолгу болел и при решении проблем, не терпящих отлагательства, его заменял Молотов, конечно, консультируясь с другими членами Политбюро. Когда в декабре 1949 года отмечалось 70-летие Сталина и каждый из членов Политбюро должен был опубликовать большую статью с восхвалениями «вождя и учителя», Молотов первым получил такую возможность. Через несколько месяцев отмечалось 60-летие самого Молотова. Его наградили четвертым орденом Ленина (еще в 1943 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1946 году Молотов был избран почетным академиком Академии наук СССР). На карте нашей страны появилось еще несколько поселков и кишлаков, названных в честь Молотова. В бывшем городе Нолинске (ставшем Молотовском), в доме, где жила семья Скрябиных, работал теперь дом-музей Молотова. Но хотя все почти западные наблюдатели продолжали считать Молотова вторым после Сталина человеком в советской и партийной иерархии, однако именно в этот период Молотов стал постепенно попадать в опалу у Сталина. Арест жены был только одним из признаков недоверия Сталина. Неожиданно Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел. Вместо него на этот пост был назначен А. Я. Вышинский, который давно уже показал

себя непревзойденным мастером демагогических речей. Он хорошо натренировался по этой части на разного рода «показательных» и «открытых» процессах над «врагами народа» еще в 30-е годы, когда он выступал на фальсифицированных спектаклях в качестве прокурора СССР. Теперь речи Вышинского стали звучать с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Конечно, Молотов оставался членом Политбюро и заместителем Сталина в Совете Министров. Но Сталин все реже и реже давал ему какие-либо ответственные поручения. Вскоре Сталин перестал приглашать его на свою дачу, где во время продолжительных обедов и ужинов, затягивавшихся обычно далеко за полночь, решались важные государственные дела. Хрущев вспоминал: члены Политбюро иногда сами приглашали Молотова присоединиться к ним, что очень сердило Сталина. В конце концов Сталин просто запретил приглашать к себе Молотова. Однажды Сталин при Хрущеве высказал подозрение, что Молотов был завербован во время своих поездок за границу и стал «агентом американского империализма». Сталин попросил узнать через Вышинского, который был в это время в США, каким образом Молотов ездил по стране в период своего пребывания в Америке и не выделялся ли ему специальный вагон, как будто это могло быть важной уликой против Молотова. Многих из арестованных в это время людей заставляли давать ложные показания на Молотова, а также на Кагановича, Ворошилова и Микояна. Тем не менее на XIX съезде партии Молотов не толь-

ко вошел в состав небольшого президиума съезда, но и открыл этот съезд краткой вступительной речью. В конце съезда Молотов был избран в состав ЦК и в расширенный, согласно пожеланиям Сталина, Президиум ЦК КПСС (36 членов и кандидатов). Для постоянного руководства партийными делами Сталин предложил избрать Бюро Президиума и продиктовал список из девяти фамилий. Среди них не было фамилии Молотова. В высоких кругах стали смотреть на Молотова как на обреченного человека. Было много признаков того, что Сталин хочет провести после XIX съезда новую террористическую чистку партийных верхов и что Молотов станет одной из ее первых жертв. Подробно атмосферу готовившегося нового погрома кадров отчетливо передает в своих воспоминаниях К. Симонов. Речь идет о пленуме 16 октября 1952 года. «Главной особенностью речи Сталина было то, что он не счел нужным говорить вообще о мужестве или страхе, решимости и капитулянтстве. Все, что он говорил об этом, он привязал конкретно к двум членам Политбюро, сидевшим здесь же, в зале...

Сначала со всем этим синодиком обвинений и подозрений, обвинений в нестойкости, в нетвердости, подозрений в трусости, капитулянтстве он обрушился на Молотова. Это было настолько неожиданно, что я сначала не поверил своим ушам... Он говорил о Молотове долго и беспощадно... Он обвинялся во всех тех грехах, которые не должны иметь места в партии, если время возьмет свое и во главе партии

перестанет стоять Сталин»²⁸.

Позднее, в 70-е годы, на вопрос Ю. Идашкина, были ли возможны его арест и физическое уничтожение, Молотов ответил: «Да, я был готов ко всему!» Правда, вину на Сталина он и в этом случае не возлагал, объясняя причину событий казенной фразой: «Революций без жертв не бывает!»²⁹

---

²⁸ *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 241–242.

²⁹ См.: *Идашкин Ю.* Знакомый по портретам. Давнее интервью с В. М. Молотовым // Литературная Россия. 1988. 22 июля.

Первый год после смерти Сталина

Физическая дряхлость Сталина прогрессировала, и это было очевидным для его ближайшего окружения, однако его смерть застала врасплох не только всю страну, но и верхи партии. Трудно было поверить, что человек, на которого смотрели как на божество, может умереть от спазма сосудов мозга или сердечной недостаточности. И народ, и партия настолько привыкли к необходимости иметь вождя, что сразу же после смерти Сталина повсюду раздавались вопросы: кто теперь заменит? Имя Молотова называлось при этом чаще других, и это неудивительно. Сам Н. С. Хрущев писал позднее в своих мемуарах, что все люди довоенного руководства рассматривали Молотова как будущего вождя, который заменит Сталина, когда Сталин уйдет из жизни. Хрущев мотивировал это не только высоким положением Молотова и партии, но и тем, что он был наиболее известным партийным и политическим деятелем после Сталина.

Конечно, никто не думал сравнивать тогда Молотова со Сталиным. Помню, что через день после смерти Сталина ко мне, работавшему тогда преподавателем в одном из рабочих поселков на Урале, пришли местные учителя. Это были мужчины, прошедшие войну и фронт. Один из них, сильно выпивший, плакал. «За кого мы теперь воевать будем, – повторял он. – За Сталина мы умирали. А теперь? За Молотова?»

Нет, за Молотова я умирать не пойду». Популярностью среди бывших солдат и офицеров Молотов явно не пользовался.

Вскоре из газет мы узнали, что считавшийся тогда главным пост Председателя Совета Министров СССР займет Г. М. Маленков, а Молотов, Берия, Булганин и Каганович станут его заместителями. Маленков, Молотов и Берия выступали на траурном митинге во время похорон Сталина. При этом во всех официальных сообщениях фамилии вождей перечислялись в следующем порядке: Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян. В своей речи на траурном митинге Молотов, в частности, сказал: «Мы по праву можем гордиться тем, что последние тридцать лет жили и работали под руководством товарища Сталина... Мы – ученики Ленина и Сталина. И мы всегда будем помнить то, чему до последних дней учил нас Сталин...

Вся жизнь товарища Сталина, освещенная солнечным светом великих идей вдохновенного народного борца за коммунизм, – живой и жизнеутверждающий пример для нас»³⁰.

Молотов вошел в новый, более узкий состав Президиума ЦК КПСС и вновь был назначен министром иностранных дел СССР.

Сразу же после смерти Сталина начались реабилитации отдельных людей. Видимо, первым из них был киносценарист А. Я. Каплер, арестованный в годы войны за связь с

---

³⁰ Правда. 1953.10 марта.

дочерью Сталина Светланой Аллилуевой. Сталин не желал этого брака. Каплер был освобожден 6 марта 1953 года. Еще через несколько дней освободили и жену Молотова Полину Жемчужину. День похорон Сталина 9 марта совпал с днем рождения Молотова. Спускаясь с трибуны Мавзолея, Хрущев и Маленков все же поздравили его с днем рождения и спросили, что бы он хотел получить в подарок. «Верните Полину», – сухо сказал Молотов и прошел мимо. Просьбу немедленно передали Берии. Последний, впрочем, и сам понимал, что неразумно держать жену Молотова в заключении. Жемчужина в этот момент была уже в Москве. В 1949 году ее приговорили к нескольким годам ссылки. Но в январе 1953 года она была включена в число участников «сионистского заговора» вместе с группой еврейских врачей и уже покойным к тому времени Михоэлсом. Ее начали допрашивать с применением пыток. Допросы прекратились только 1 или 2 марта. А 9 или 10 марта ее вызвали в кабинет к Берии. Она не знала о смерти Сталина и готовилась к худшему. Но Берия неожиданно вышел из-за стола, обнял свою гостью и воскликнул: «Полина! Ты честная коммунистка!» Жемчужина упала на пол, потеряв сознание. Но ее быстро привели в чувство, дали немного отдохнуть и переодеться и отвезли на дачу к Молотову – весьма необычный подарок к уже прошедшему дню рождения.

Молотов поддержал Хрущева и Маленкова, когда они, сохраняя все меры предосторожности, обсуждали с другими

членами руководства вопрос об аресте Берии. На следующий год Молотов принял сторону Хрущева и Булганина, когда на одном из пленумов ЦК против Маленкова были выдвинуты различные обвинения, и в частности, в плохой работе по руководству сельским хозяйством. В последние годы при Сталине именно Маленков отвечал в Политбюро за состояние дел в сельском хозяйстве. Молотов обвинил Маленкова также в недооценке развития тяжелой индустрии. В результате Маленков был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров СССР, а на его пост был назначен Н. А. Булганин. Однако согласие между Молотовым и Хрущевым продолжалось недолго. Они слишком отличались друг от друга и по взглядам, и по стилю работы.

Оппозиция руководству Хрущева

Уже к концу 1954 года влияние Хрущева в новом составе руководства страной и партией стало преобладающим. Изменился не только стиль, но и содержание руководства; в Президиуме ЦК КПСС постоянно шло обсуждение множества новых инициатив и предложений. При этом руководящая роль Хрущева проявилась при проведении не только внутренней, но и внешней политики СССР, что особенно раздражало Молотова, который все еще оставался не только членом Президиума ЦК КПСС, но и министром иностранных дел. Уже при обсуждении вопроса об освоении целинных земель Молотов и Ворошилов высказали ряд возражений. Они критиковали проект постановления о новом порядке планирования в сельском хозяйстве. Молотов был также против безоговорочной «реабилитации» Иосипа Броз Тито, который оставался для него если не «фашистом», то «ревизионистом». Поэтому предварительные переговоры о нормализации отношений с Югославией проводились помимо МИДа, и Молотов не принял участия в поездке Хрущева и Булганина в Югославию. Молотов во многом мешал нормализации отношений с Японией и особенно заключению государственного договора с Австрией. Предполагалось объявить Австрию нейтральной страной, гарантировать ее нейтралитет специальным соглашением великих держав. Одна-

ко на значительной части Австрии, включая Вену, еще находились советские войска, и Молотов считал, что, уходя из Австрии, СССР делает слишком большую уступку «империалистам». В своих воспоминаниях лидер австрийских социал-демократов и будущий канцлер Австрии Бруно Крайский писал, насколько трудными были переговоры. По его словам, во время одной из встреч Молотов повторил австрийским лидерам: «Обдумайте проект договора еще раз. Мы дадим вам всю власть в стране, мы отзовем советские войска и демонтируем все советское управление. Вы станете полностью свободными и суверенными. Но мы хотим только в одной части страны зафиксировать свое присутствие»³¹. В Австрии находились в 1954 году советские войска численностью в 46 тысяч человек. Молотов предлагал вывести из страны 41 тысячу и оставить там 5 тысяч. На уступки пошли Хрущев и Булганин, и Молотов должен был отступить. Не участвовал он и в поездке Хрущева и Булганина в Индию и Бирму в 1955 году. Консервативная позиция Молотова во внешней политике была подвергнута критике на июльском пленуме ЦК в 1955 году.

Была поставлена под сомнение и его роль как теоретика. Выступая на одной из сессий Верховного Совета СССР, Молотов сказал, что в нашей стране построены «основы социалистического общества». Это высказывание вызвало возражения у других членов ЦК, которые утверждали, что «осно-

---

³¹ Цит. по: Der Spiegel. 1986. № 36. S. 149–150.

вы социализма» были построены в СССР еще в начале 30-х годов, а в начале 50-х уже построено и само социалистическое общество. Хотя, в сущности, Молотов был прав, он проиграл в этом догматическом споре и вынужден был публично признать свою ошибку. В журнале «Коммунист» было опубликовано его письмо в редакцию, в котором он заявлял: «... Считаю свою формулировку по вопросу о построении социалистического общества в СССР, данную на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 года, из которой можно сделать вывод, что в Советском Союзе построены лишь основы социалистического общества, теоретически ошибочной и политически вредной»³².

Уже в 1953–1955 годах в Советском Союзе было реабилитировано около десяти тысяч человек, главным образом партийных и советских работников, о восстановлении честного имени которых просили достаточно влиятельные люди. Но Молотов после освобождения своей жены скорее противился, чем способствовал новым реабилитациям. Многие заявления шли из бесчисленных лагерей на его имя. Написал Молотову с просьбой о реабилитации и бывший видный работник МИДа Е. А. Гнедин. Но он получил быстрый и решительный отказ. В своих воспоминаниях Гнедин писал:

«... Отказ в реабилитации, мотивированный с бесстыдством худших сталинских времен, был ответом на заявление, адресованное мною Молотову. В письме прокуратуры име-

---

³² Коммунист. 1955. № 14. С. 127–128.

лось на это точное указание. Адвокат, с которым советовалась моя жена, сказал, что было ошибкой обращаться к Молотову, хотя мы одновременно обратились в различные инстанции. К Молотову не следовало обращаться, потому что в 1953 году именно он был еще способен предложить генеральному прокурору отказать мне в реабилитации. Молотов, казалось, не был исполнителем чужой воли. Разве что тень диктатора благословила Молотова и Руденко на новые беззакония»³³.

XX съезд КПСС и закрытый доклад Хрущева на этом съезде «О культе личности и его последствиях» привели к еще большему расхождению между Хрущевым и Молотовым, которого поддержали на этот раз и такие люди, как Маленков, Каганович и Ворошилов. Д. Т. Шепилов, в то время главный редактор «Правды», вспоминает о неожиданном звонке, прозвучавшем в его кабинете после XX съезда:

«— Товарищ Шепилов?

— Да, это я.

В голосе говорившего со мною слышалось едва сдерживаемое раздражение, он слегка заикался:

— Прекратите ругать в “Правде” Сталина.

Я сразу понял: это был В. М. Молотов.

— Я Сталина не ругаю. Я выполняю решения XX съезда.

— Я еще раз прошу вас: прекратите ругать Сталина.

— Товарищ Молотов, — отвечаю ему. — Я могу только по-

---

³³ Гнедин Е. Выход из лабиринта. Нью-Йорк, 1982. С. 112.

вторить, что сказал: я выполняю решения XX съезда. Вы недовольны? Тогда выносите вопрос на Президиум ЦК»³⁴.

О разногласиях в Президиуме ЦК КПСС мало знали рядовые коммунисты, а тем более простые граждане страны. Но они не были секретом для многих ответственных работников, о них догадывались и многие дипломаты западных стран, которые строили на этот счет различные догадки. Эти разногласия не были тайной и для почитателей Сталина в Грузии. Когда в марте 1956 года в Тбилиси состоялись массовые манифестации, направленные против решений XX съезда и лично против Хрущева и Булганина, то среди лозунгов, которые выкрикивали участники демонстрации, можно было услышать не только «Долой Хрущева!» или «Долой Булганина!», но и «Молотова – в премьер-министры СССР!», «Молотова – во главе КПСС!». Эти манифестации были, как известно, подавлены с применением военной силы. После съезда Молотов фактически не выполнял большинства своих обязанностей по Министерству иностранных дел. Когда в Москву в качестве посла Югославии прибыл в конце марта 1956 года Велько Мичунович, он должен был перед вручением верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову посетить Молотова как министра иностранных дел. После этой встречи посол записал в своем дневнике:

---

³⁴ Проблемы истории и современность. «Круглый стол» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. С. 50.

«Встреча с Молотовым проходила в атмосфере благожелательности. Беседа была искренней, временами даже сердечной, как будто речь шла о разговоре двух старых знакомых, которые долго не виделись друг с другом. Не было заметно даже следа от нашего идеологического и политического конфликта, когда именно Молотов вместе со Сталиным составлял и подписывал угрожающие письма югославскому руководству. Хотя я и не настаивал на быстрой аккредитации, Молотов обещал мне переговорить с Ворошиловым и сделать все, чтобы эта процедура произошла так скоро, как возможно... У меня, однако, осталось впечатление: хотя Молотов и был министром иностранных дел, он уже не держал всех нитей советской внешней политики. Это было очевидно по крайней мере в отношении Югославии. Хотя нормализация советско-югославских отношений была важнейшим внешнеполитическим актом Советского Союза, Молотов не принимал в этом никакого участия... Мы знали, что он был против поездки советской делегации в Белград... Он был, вероятно, также заинтересован в нормализации отношений между СССР и Югославией. Но, по его мнению, все же именно югославы должны были приехать в Москву, чтобы вести переговоры... создавалось впечатление, как будто русские приехали в Белград, дабы просить прощения»³⁵.

Молотов не был включен в советскую правительственную делегацию, которая в апреле 1956 года посетила Англию,

---

³⁵ *Micunovic V. Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 61, 63.*

еще раньше он не был вместе с Хрущевым в Китае. В середине 1956 года, всего за день до начала визита в СССР президента Югославии Иосипа Броз Тито, Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел. Это было сенсацией для иностранных наблюдателей, которые считали это «подарком» для Югославии. Но Молотов оставался заместителем Председателя Совета Министров СССР и участвовал во всех праздничных церемониях в честь Тито и даже произносил речи на приемах. Он оставался и членом Президиума ЦК КПСС.

Политический кризис в Польше в октябре 1956 года и драматические события в Венгрии осенью того же года, казалось, подтверждали многие из предсказаний Молотова. Большая речь Тито с критикой Советского Союза, его внешней политики и лично Хрущева, речь, в которой Тито говорил о всех советских руководителях как о сталинистах и о сохранении сталинизма в СССР, также крайне задела Хрущева и усилила в определенных кругах аппарата влияние Молотова. Уже в январе 1957 года в Москве стали распространяться слухи о возможной отставке Хрущева и возвышении Молотова. Правда, было немало разговоров и об отставке Молотова.

Известно, что в 1956 году в СССР был собран рекордный урожай зерна. Хрущев использовал это как доказательство правильности своей сельскохозяйственной политики. Было решено наградить несколько сотен наиболее отличившихся

колхозов и совхозов орденами. В большом списке преобладали колхозы и совхозы имени Сталина. На втором месте стояли колхозы и совхозы имени Молотова, на третьем – имени Хрущева и только на четвертом – имени Ленина, их было вдвое меньше, чем колхозов и совхозов имени Сталина.

Удаленный от дел международных, Молотов продолжал играть в партии заметную роль. Постепенно вокруг него образовалась группа недовольных членов ЦК, многие из которых входили и в Президиум ЦК КПСС. Их число стало быстро расти после того, как Хрущев начал энергично проводить в жизнь свою административную реформу, ликвидировать промышленные министерства и создавать областные и региональные управления промышленностью – совнархозы (советы народного хозяйства). Эта перестройка не устраивала многих министров и ответственных работников министерств, значительная часть которых должна была покинуть Москву, чтобы возглавить местные совнархозы и их управления. Часть руководителей обкомов партии была недовольна Хрущевым, который неожиданно выдвинул лозунг об увеличении производства мяса в СССР в три раза в течение всего трехчетырех лет. Все это использовали Молотов и члены его группы, о существовании которой некоторые дипломаты уже сообщали в своих донесениях из Москвы.

22 апреля 1957 года, в день рождения Ленина, в «Правде» была опубликована большая статья Молотова «О Лени-

не». Из нее можно было легко заключить, что Молотов – единственный человек в Президиуме ЦК, кто работал непосредственно под руководством Ленина и встречался с ним еще с апреля 1917 года. О преступлениях Сталина Молотов говорит в этой статье только как об «ошибках». Он писал: «Мы знаем, что отдельные ошибки, и иногда тяжелые ошибки, неизбежны при решении столь больших и сложных исторических задач. Нет и не может быть гарантии на этот счет ни у кого».

В целом же политика партии, по утверждению Молотова, была всегда правильной, и она всегда была «верна знамени ленинизма».

Тем временем в условиях строгой конспирации продолжались встречи и беседы участников оппозиции Хрущеву. На пост первого секретаря ЦК предполагалось избрать Молотова. Хрущева, если он добровольно сложит с себя полномочия главы партии, решено было назначить министром сельского хозяйства или на какой-либо иной пост. В случае его отказа подчиниться большинству Президиума не исключался и арест Хрущева. События приняли, однако, иной оборот.

Решающее столкновение между Молотовым и Хрущевым произошло в июне 1957 года на заседании Президиума ЦК КПСС. У группы Молотова было большинство: к ней присоединились также Н. А. Булганин, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров и Д. Т. Шепилов, не говоря уже о Кагановиче, Маленкове

и Ворошилове. Но Молотов просчитался. Он не имел большинства на пленуме ЦК, который был созван по требованию сторонников Хрущева. Молотов не пользовался поддержкой ни КГБ, во главе которого стоял И. А. Серов, ни армии, во главе которой стоял Г. К. Жуков. Большинство членов ЦК КПСС опасались, что с приходом к власти Молотова снова начнутся репрессии среди партийного и государственного аппарата. Поражение группы Молотова на июньском пленуме ЦК КПСС было настолько полным, что даже его сторонники проголосовали за принятие постановления, осуждающего его деятельность. Воздержался при голосовании лишь сам Молотов. Пленум вывел Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова из состава Президиума и исключил их из ЦК КПСС. Это был единственный случай в истории партии, когда Центральный комитет не подчинился решению своего Президиума (Политбюро) и отменил его решение. Политическая карьера Молотова фактически закончилась.

На третьих ролях

После июньского пленума Молотов и его ближайшие союзники опасались ареста, но Хрущев воздержался от подобного шага и даже не настаивал на исключении «фракционеров» из партии. Молотов получил относительно ответственное поручение – его назначили послом СССР в Монголии. Работа в Монголии не требовала от Молотова значительных усилий. Еще в прежние годы он претендовал не только на роль политика, но и на роль теоретика марксизма-ленинизма. Теперь он продолжил свои занятия теорией. Внимательно следил за всеми событиями в Москве и в мире и не боялся их комментировать в беседах с немногими из посетителей советского посольства в Улан-Баторе. Так, например, он одобрял основные решения по внешней политике СССР, но критически высказывался по поводу поспешной ликвидации МТС (машинно-тракторных станций) и продажи всей техники МТС колхозам. Впрочем, в этом он был прав, так как ликвидация МТС производилась действительно в крайней спешке и это нанесло немалый ущерб колхозам нашей страны.

В марте 1958 года в Улан-Баторе состоялся очередной съезд правящей Монгольской народно-революционной партии. В Улан-Батор прибыла и советская делегация, возглавляемая членом Президиума, секретарем ЦК КПСС Н. Г.

Игнатовым. Советская делегация бойкотировала Молотова. Игнатов не только не встретился с новым советским послом в Монголии, но не приглашал его на встречи с лидерами Монголии и МНРП, хотя это и противоречило общепринятому протоколу. Прибывшие в Улан-Батор делегации других социалистических стран также игнорировали советское посольство. Только Велько Мичунович, югославский посол в Москве, которому было поручено представлять в Монголии Союз коммунистов Югославии, нанес визит Молотову. Они беседовали несколько часов, вспоминая общих московских знакомых и обсуждая международные события. Молотов говорил, что он сам хорошо переносит монгольский климат, но что его жена чувствует себя в Улан-Баторе очень плохо.

Молотов присутствовал на первых заседаниях съезда, но покинул зал при выступлении Игнатова. Последний говорил об успехах Советского Союза и КПСС, но не преминул упомянуть о разгроме антипартийной группы Молотова и других и высказал резкие критические замечания о самом Молотове. Это было воспринято как бестактность монгольскими руководителями, которые рассматривали Молотова как посла СССР и не хотели, чтобы споры внутри КПСС выносились на заседания монгольской правящей партии. Не слишком понравилось выступление Игнатова и делегациям других коммунистических партий. Когда советская делегация покидала Улан-Батор, то Молотов, естественно, был среди провожающих. Однако Игнатов прошел мимо него, не подав

ему руки и не попрощавшись, как со всеми другими.

Совершенно иначе относились к Молотову представители различных китайских делегаций, которые посещали Монголию. Китай выстроил в Улан-Баторе огромное здание своего посольства, рядом с которым советское казалось небольшим домиком. При всяком удобном случае китайские деятели демонстрировали свое уважение к Молотову как ближайшему ученику и соратнику Сталина.

Бывали случаи, когда Молотов проявлял и свою собственную, то есть не санкционированную Москвой, дипломатическую активность. Однако Хрущеву трудно было бы придраться к подобным действиям своего недавнего и опасного противника. Так, например, в начале 1958 года из-за разногласий между Хрущевым и Тито, стремившимся сохранить во что бы то ни стало независимость Югославии и не входить в так называемый социалистический лагерь, отношения между СССР и СФРЮ вновь ухудшились. В советской печати был подвергнут резкой критике проект программы Союза коммунистов Югославии. Прекратились поставки оборудования в Югославию по кредитам. В разгар этой полемики посольство Югославии в Москве получило теплую поздравительную телеграмму, отправленную обычной почтой из советского посольства в Улан-Баторе и подписанную Молотовым. «... Я желаю Вам (то есть послу. – *Р. М.*) и всем сотрудникам Вашего коллектива, – говорилось в телеграмме, – здоровья и дальнейших успехов в Вашей работе по развитию

дружбы между нашими странами, нашими народами и посвященную укреплению мира и социализма».

Это была единственная телеграмма, которая пришла к празднику Первого мая в югославское посольство, других телеграмм от советских дипломатов или обычных граждан нашей страны не поступило. Югославский посол В. Мичунович ответил Молотову краткой телеграммой, отправленной также не по дипломатическим каналам, а с московского телеграфа³⁶.

При подготовке к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина Молотов прислал в редакцию журнала «Коммунист» большую статью «О Владимире Ильиче Ленине». Эта статья, однако, не была опубликована.

В конце концов Хрущев решил перевести Молотова на работу подальше от китайских границ. Как раз в это время член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов, перегруженный множеством обязанностей и должностей, попросил освободить его от должности советского сопредседателя Международного агентства по атомной энергии при ООН. Штаб-квартира этого агентства располагалась в Вене. Вскоре решением Совета Министров СССР руководителем Советского представительства в упомянутом агентстве ООН был назначен Молотов. Общее руководство было оставлено, однако, за Емельяновым. Молотову пришлось переехать из Монголии в Австрию.

---

³⁶ См.: *Micunovic V. Moskovske godine 1956/1958. S. 446–447.*

Во время венской встречи Хрущева с новым американским президентом Дж. Кеннеди среди приглашенных можно было увидеть и медленно передвигающегося старого человека небольшого роста в пенсне с золотой оправой. Это был Молотов, советский представитель в агентстве ООН по атомной энергии. Когда появился Хрущев, Молотов приветствовал его с непроницаемым лицом. Хрущев небрежно ответил на приветствие и прошел мимо.

Летом 1961 года в СССР началась активная подготовка к очередному, XXII съезду партии. Был опубликован проект новой программы КПСС для его всенародного обсуждения. В печати, однако, публиковались только такие статьи, которые полностью одобряли проект программы или вносили в него не слишком существенные добавления и исправления. Молотов также решил принять участие в этом обсуждении. Незадолго до начала съезда он направил в ЦК КПСС заявление, содержащее подробный и критический разбор проекта программы КПСС. Молотов утверждал, что этот проект – ошибочный и «ревизионистский» документ. Его критические замечания не были опубликованы. Краткий и, возможно, не вполне точный разбор письма Молотова можно найти лишь в речах на съезде П. А. Сатюкова и П. Н. Поспелова. Сам факт выступления Молотова против программы КПСС вызвал раздражение у Хрущева. Несомненно, это было одной из причин включения в его отчетный доклад специального раздела, посвященного критике «антипартийной

группы» Молотова, Маленкова, Кагановича и других «фракционеров». Резкая критика Молотова содержалась и в речах других делегатов съезда. На этот раз о преступлениях Сталина, Молотова и прочих ближайших помощников вождя говорилось не в закрытом докладе, а в открытых выступлениях делегатов и докладчиков съезда. Многие из делегатов требовали исключить Молотова и его политических союзников из партии. И действительно, вскоре после окончания съезда Молотов был снят со всех своих постов. Первичная организация, в которой он состоял на учете, исключила его из партии.

В феврале 1962 года бюро Свердловского райкома партии Москвы исключило Молотова из рядов КПСС за антипартийную фракционную деятельность, активное участие в массовых репрессиях. Молотов направил письмо в МГК КПСС с просьбой оставить его в партии. На заседании бюро горкома тогдашний первый секретарь МГК П. Н. Демичев задал ему вопрос: «Мы спрашиваем вас как человека: почему вы, подписывая списки, безвинных людей направляли на расстрел?» Молотов ответил: «Я считаю это ошибкой»³⁷.

Бывший советский премьер был отправлен на пенсию. Что касается городов и поселков, носящих имя Молотова, то им были возвращены прежние названия еще в 1957 году. В стране не осталось больше ни одного предприятия или учреждения «имени Молотова».

---

³⁷ См.: Буков К., Самородов А. Правая рука // Московская правда. 1989. 6 апр.

Вскоре после XXII съезда, как вспоминает А. И. Аджубей, Полина Семеновна Жемчужина добилась приема у Хрущева. «В ответ на ее просьбу восстановить мужа в партии Никита Сергеевич показал ей документ с резолюцией Молотова о расстреле жен Косиора, Постышева и других ответственных работников Украины, затем спросил, можно ли, по ее мнению, говорить о восстановлении Молотова в партии или надо привлекать к суду»³⁸.

---

³⁸ Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6. С. 96.

Молотов на пенсии

В 1961 году Молотов вернулся в Москву. После исключения из партии он лишился многих пока остававшихся у него привилегий. Однако часть из них была сохранена для жены Молотова. Вместе с ней и немногочисленной семьей Молотов жил или в своей квартире на улице Грановского, или на даче в Жуковке, дачном поселке для привилегированных лиц. Мало кто навещал его кроме родственников.

Однажды его посетила дочь Сталина Светлана Аллилуева. В книге «Только один год» Аллилуева писала:

«Я видела постаревшего, поблекшего Молотова-пенсионера в его небольшой квартире уже после того, как Хрущева сменил Косыгин. Молотов, по обыкновению, говорил мало, а только поддакивал. Раньше я всегда видела его поддакивающим отцу. Теперь он поддакивал жене. Она была полна энергии и боевого духа. Ее не исключили из партии, и она теперь ходила на партийные собрания на кондитерской фабрике, как в дни молодости. Они сидели за столом всей семьей, и Полина говорила мне: “Твой отец был гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну, и, когда началась война, партия и народ были едины. Теперь больше нет революционного духа, везде оппортунизм. Посмотри, что делают итальянские коммунисты! Стыд! Всех запугали войной. Одна лишь надежда на Китай. Только там уцелел дух револю-

ции!» Молотов поддакивал и кивал головой. Их дочь и зять молчали, опустив глаза в тарелки. Это было другое поколение, и им было стыдно. Родители походили на ископаемых динозавров, окаменевших и сохранившихся в ледниках»³⁹.

Эта беседа происходила в разгар «культурной революции» в Китае.

В 1963–1967 годах Молотов с женой часто выходили погулять по арбатским переулкам, при этом оживленно беседуя, нежно прижавшись друг к другу. Через несколько лет Полина Жемчужина умерла. Организацию похорон взяла на себя та фабрика, в которой она состояла на партийном учете. На этих похоронах были также представители райкома партии. На траурном митинге выступил и Молотов. Это было его первое и последнее публичное выступление после ухода на пенсию. Он говорил о том пути, который прошла покойная, и одновременно о той большой работе, которую проделали партия и советское государство в 30–40-е годы. Но Молотов, конечно же, умолчал об аресте и ссылке своей жены и о преступлениях прошлых лет.

Еще в середине 60-х годов Молотов начал писать мемуары. Он работал над ними не только дома, но регулярно приходил в профессорский зал Государственной библиотеки имени Ленина. Конечно, Академия наук уже давно исключила Сталина и Молотова из списка «почетных» академиков. Но за Молотовым было сохранено право посещать зал для

---

³⁹ Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1970. С. 353.

профессоров и академиков. Этот же зал обычно посещают и иностранцы, которым приходится работать в Москве над своими дипломами или книгами. В 1968 году рядом с Молотовым занималась одна французская студентка. Заметив, что молодая женщина слишком часто и с любопытством смотрит на него, он, проходя мимо, положил на ее стол клочок бумаги, на котором было написано: «Молотов – правая рука Сталина в прежние времена».

Закончив первую часть своих мемуаров – о временах революции 1905 и 1917 годов, – Молотов позвонил писателю Борису Полевому, который был главным редактором журнала «Юность». Именно в этом журнале в 1967 году была опубликована первая часть мемуаров А. И. Микояна, также о временах революции. Но Борис Полевой явно не торопился принять предложение Молотова. Он попросил позвонить еще через несколько дней. Когда Молотов позвонил Полевому во второй раз, тот сухо ответил, что «Юность» не будет печатать его мемуаров и что он советует передать их в Институт марксизма-ленинизма. Неизвестно, последовал ли Молотов этому совету. Однако все, кто знал его, убеждены, что в своих мемуарах он не стал бы ни в чем раскаиваться и ничего пересматривать, а только искал бы любые доводы для оправдания своего прошлого.

В своей квартире Молотов жил с дочерью Светланой, историком по профессии. Ему не полагалось никакой охраны, и он мог свободно ходить и ездить по Москве и стране, куда

ему заблагодарассудится. Кроме библиотеки он часто посещал различные выставки и концерты. Но особенно часто Молотов ходил в театры. У него были и любимые постановки. Так, например, в Театре имени Вахтангова он несколько раз смотрел пьесу Корнейчука «Фронт», в которой по ходу действия боец говорил: «Я написал письмо Молотову».

В Театре на Таганке Молотов несколько раз побывал на пьесе «Десять дней, которые потрясли мир». В одной из сцен после 1964 года долгое время сохранялся замаскированный, но понятный тогда всем критический выпад против Хрущева, которого в конце 1964 года Пленум ЦК отправил на пенсию. Очень часто Молотов посещал небольшой кинотеатр в Жуковке, построенный для обитателей привилегированных дач. Там показывали фильмы западного производства, которые не выходили на массовый экран. Среди публики было немало «отставников», хорошо знавших Молотова, но относившихся к нему с видимым равнодушием.

Молотов почти не встречался ни с кем из общественных деятелей или журналистов. Но иногда он делал исключения. Так, например, он несколько раз виделся с писателем Юлианом Семеновым, которого познакомил с Молотовым в Кремлевской больнице хорошо известный советским людям старшего поколения писатель Лев Шейнин, автор весьма популярной в свое время книги «Записки следователя». Однако мало кто знал тогда, что Шейнин был не только следователем по уголовным делам, но и ближайшим помощником

Вышинского по многим политическим делам. Именно Шейнин был одной из ведущих фигур при подготовке политических процессов 1935–1936 годов. Молотову это, конечно, было известно, и рекомендация Шейнина служила для него показателем «благонадежности». О своих встречах с Молотовым Юлиан Семенов рассказал впоследствии на страницах журнала «Нева»:

«...Именно он, Шейнин, и завел меня в большую палату государственного пенсионера СССР, бывшего члена партии Молотова и его жены, ветерана партии Жемчужиной. Разговор был светским; Молотов шутил, говоря, что, прочитав мою “Петровку, 38”, он начал с опаской гулять по улицам, расспрашивал, над чем я работаю, как начал писать... Когда я попросил о следующей встрече, он ответил согласием, написал свой телефон на улице Грановского, попросив при этом никому его более не передавать...

Позвонил я ему, однако, только через год... Первый раз я поднялся к нему на Грановского, когда Полины Семеновны не стало уже; мы сидели в маленьком кабинете Молотова, обстановка которого напоминала фильмы тридцатых годов: кресла, обтянутые серой парусиной, стол с зеленым сукном, маленький бюст Ленина, в гостиной – книги в скромных шкафах, китайский гобелен и портрет Энгельса в деревянной рамке.

Молотов рассказал ряд эпизодов, связанных с январем сорок пятого, когда Черчилль обратился к Сталину за помо-

щью во время Арденнского наступления немцев, дал анализ раскладу политических структур в тот месяц, – как он ему представлялся...

Знал я тогда и то, что над Молотовым собрались тучи и накануне смерти Сталина, – жена арестована как “враг народа”, а сам он оттерт на третий план группой Маленкова – Берии. Поэтому меня потрясла та нескрываемая нежность, с которой он произносил имя Сталина; нежность была какой-то юношеской, восторженной, она даже несколько выпячивалась им, хотя Молотов, казалось, не был человеком поэты.

– А как Сталин относился к Макиавелли? – спросил я, несколько опасаясь его реакции...

Молотов ответил сдержанно:

– Сталин понимал, как чужд самому духу нашего общества строй мыслей этого философа. Сталин говорил правду, а Макиавелли всегда искал путь, чтобы ложь сделать правдой...»⁴⁰

Эти свидетельства не нуждаются в комментариях. Все же Ю. Семенов критически относится к Молотову. Полностью лишены такой критики воспоминания писателя И. Стаднюка, которому Молотов помогал в написании нескольких романов о войне. Еще в конце 60-х годов Стаднюк передал Молотову несколько глав книги «Война». «Мне казалось, – вспоминает писатель, – что для прочтения части мо-

---

⁴⁰ Семенов Ю. Ненаписанные романы // Нева. 1988. № 7. С. 77–78.

ей рукописи Вячеславу Михайловичу понадобится несколько недель... И вдруг в квартире раздался телефонный звонок.

– Иван Фотиевич? Я прочитал ваши главы...

– Будете ругать? – с робостью спросил я у него.

– Нет... Наоборот... Приезжайте...

Начался разговор... Я с жадностью впитывал все услышанное от Молотова... Я с восхищением рассматривал тщательно подобранную библиотеку, картины на стенах, написанные его братом художником Николаем Михайловичем Скрябиным, удивлялся тесноватому кабинету с зачехленными в белую парусину двумя-тремя креслами и небольшим столом.

– Почему не садитесь? – удивился Молотов.

– Не смею, – ответил я, пытаюсь придать своему голосу шуточный тон. – Ведь придет время, и я тоже, как и многие, буду писать мемуары... Разве я удержусь не написать, что мне выпал счастливый случай сидеть в кресле бывшего главы советского правительства?!

Вячеслав Михайлович, весело сверкнув глазами, вдруг посерьезнел, помолчал какое-то время и сказал:

– Вы мне напомнили, как в Кремле, после подписания пакта о ненападении, вскоре нацистскими преступниками нарушенного, фон Риббентроп разговаривал по телефону с Берлином... С кем, вы думаете, разговаривал?.. С Гитлером!.. Мы получили колоссальное удовольствие, поняв по

его болтовне, сколь глуп имперский министр...

За двадцать лет я частенько утруждал Вячеслава Михайловича Молотова своими звонками и визитами. Несколько раз бывал он и у меня на даче в Переделкине. И каждое общение с ним, все его суждения о написанном мною повышали мою ответственность перед читателями...»⁴¹

Первая часть романа «Война» И. Стаднюка вышла в свет в конце 1970 года и вызвала сразу же весьма обоснованные и резкие отзывы многих читателей. Достаточно сказать, что в этом романе не только крайне искаженно представляется обстановка предвоенных и первых месяцев войны, но недвусмысленно и кощунственно оправдываются жестокие сталинские репрессии против лучших военных кадров страны. О Тухачевском, Якире или Уборевиче Стаднюк пишет так, как будто все они не были уже давно реабилитированы. Конечно, Молотов мог быть доволен. Тем не менее этот роман много раз переиздавался, еще в 1981 и 1988 годах он был переиздан большими тиражами в двух издательствах. Чтобы представить идейный и художественный уровень романа, приведем из него одну, хотя и пространную цитату. Речь идет о том, как Сталин и Молотов отреагировали на известие о пленении фашистами сына Сталина Якова Джугашвили, которое, если верить версии Стаднюка и Молотова, произошло в октябре 1941 года под Вязьмой при окружении группы армий, обороняющих Москву.

---

⁴¹ Стаднюк И. Начало одного начала // Огонек. 1986. № 34. С. 4–5.

«...Мехлис доложил:

– Начальник политуправления Западного фронта сообщает, что, по всей вероятности, ваш сын, Яков Иосифович, попал к немцам в плен...

Сталин даже не пошевелился, ибо заранее знал, с чем пожаловал к нему Мехлис. Молотов и Калинин, оглушенные дурной вестью, сочувственно и с болью смотрели на отвернувшегося к окну Сталина, не в силах понять, расслышал ли он в шуме ливня слова армейского комиссара или нет...

– Коба, ты что, не слышишь?! – возвысив голос, взволнованно спросил Молотов. – Немцы схватили Яшу!..

Сталин медленно, будто тело ему плохо подчинялось, отвернулся от окна и посмотрел на Молотова пасмурным и каким-то затравленным взглядом. Затем неторопливо направился к своему столу, сел в кресло и спокойно, со скрытой укоризной сказал:

– Сталин не глухой... Мне уже известно о пленении старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Сейчас его допрашивают в штабе фельдмаршала Клюге... Так как теперь решать с товарищем Сталиным? Будем назначать его народным комиссаром обороны?... – Видя, что его не поняли, с горькой усмешкой, похожей на гримасу боли, добавил: – По нашему закону близкие родственники тех, кто сдался врагу в плен, ссылаются. Я бы в таком случае выбрал себе Туруханск – все-таки знакомые места...

– Вопрос серьезный, – с легкой усмешкой заметил Моло-

тов и, забарабанив пальцами по зеленому сукну стола, повернулся к Калинину: – Или в Сибирь, или в наркомы... Есть предложение похлопотать перед товарищем Калининым как Председателем Президиума Верховного Совета... Как, Михаил Иванович, может, поспособствуете по знакомству?

– Это называется “по благу”. – Калинин, приняв шутку Молотова, невесело засмеялся. – А закон-то наш и без благу твердит, что наказанию подлежат только те родственники изменника, которые проживали совместно с ним или находились на его иждивении... Товарищ Сталин к таким родственникам, по-моему, не относится».

Далее в романе говорится, что Мехлис предлагает устроить побег Якову или «поторговаться» с Гитлером и обменять его. Но Сталин против.

«– Коба, ты, по-моему, перегибаешь палку, – поддержал Мехлиса Молотов, обращаясь к Сталину. – Ведь действительно существует международная практика обмена пленными между воюющими сторонами. (Сталин, по роману Стаднюка, заявляет вначале, что переговоры с Гитлером немыслимы, но потом выражает надежду, что Яков не сам сдался в плен, и высказывает предположение, что как сыну Сталина ему в плену будет тяжелее, чем другим. Потом он говорит другое. – *Р. М.*).

– А ваша мысль, товарищ Мехлис, насчет обмена немецких генералов заслуживает внимания... Не торговля, а именно обмен... – Затем повернулся к Молотову, взмахнул рукой

в его сторону и уточнил: – Это по твоей части, товарищ нарком иностранных дел, – Сталин продолжал то ли вопросительно, то ли утверждающе смотреть на Молотова, – обратиться к этому людоеду Гитлеру с предложением: пусть возьмет у нас своих генералов, кто ему нужен. Даже всех, сколько будет!.. Не жалко! А взамен пусть отдаст нам пока только одного человека... Эрнста Тельмана!..

Все потрясенно молчали, размышляя об услышанном. Наконец тишину нарушил Молотов. Чуть заикаясь, он сказал:

– Такая операция даже в нынешней трудной обстановке вполне под силу нашим дипломатам... Но пойдет ли на это Гитлер? Ведь освободить из тюрьмы и отдать нам Тельмана – равнозначно что позволить взметнуть над головами революционных рабочих не только Германии, но и всей Европы боевое Красное знамя!..

– Правильно говоришь, товарищ Молотов! Поэтому-то игра и стоит свеч. – Сталин, пососав мундштук трубки, с поощрительным прищуром посмотрел на Молотова. – Если есть хоть один из тысячи шансов на успех такой операции, ее надо планировать и при первой возможности попробовать осуществить. Это была бы огромная победа в борьбе за будущее Германии, за новую Германию...»⁴²

Вполне возможно, что Молотов с большим удовольствием читал роман Стаднюка и особенно страницы, подобные при-

---

⁴² Стаднюк И. Война. М., 1981. С. 487–490. (Имя Молотова часто встречается в романах о войне А. Маковского и в романе В. Соколова «Вторжение».)

веденным выше. Но здесь все фальшиво, начиная от ливня за окном кабинета Сталина. В действительности сын Сталина был захвачен в плен 16 июля 1941 года во время боев в Белоруссии, а не осенью в дни боев под Москвой.

К середине июля 1941 года (да и к октябрю) германская армия уже захватила в плен немало советских генералов, но немецких генералов в советском плену еще не было, и потому вопрос об обмене их на Якова Джугашвили или даже на Тельмана обсуждаться не мог. Подробности о пленении Якова Джугашвили можно узнать из документальной повести Семена Апта «Сын Сталина», опубликованной в № 4–5 журнала «Подъем» (Воронеж) за 1989 год.

Столь же фальшивы образы Сталина и Молотова и в другом романе Стаднюка – «Москва, 41-й». Молотов у Стаднюка распутывает сложнейшие международные проблемы, «как скульптор ударами молотка по резцу откалывает от мрамора ненужные осколки, медленно и упоенно освобождая из-под них свое творение». Неутомима его «ищущая мысль», «интуиция», «огромен его опыт». Не без сложностей, но он преодолевает «бескрайнее море трудностей и необъяснимостей» и т. д. и т. п.

Нередко навещал Молотова старейший писатель Сергей Иванович Малашкин. Они познакомились еще в 1918 году, когда Малашкин издал и подарил Молотову свою первую книгу стихов «Мускулы», а через несколько лет и книгу «Мятежи». Позднее он стал прозаиком, опубликовал немало

романов и повестей, не оставивших, однако, заметного следа в советской литературе. На этих встречах нередко присутствовал писатель Н. И. Кочин. Среди почитателей и «приверженцев» Молотова оказался и поэт Ф. Чуев. Он весьма гордился близким знакомством с бывшим премьером, публично демонстрируя фотографии Молотова и всячески подчеркивая значение его «личности» для отечественной истории.

К своим доброжелателям Молотов мог бы причислить и албанского диктатора Энвера Ходжу. Описывая встречи с советскими лидерами в опубликованной в Тиране книге мемуаров, Ходжа с симпатией говорил только о Молотове. Он, правда, считал, что Молотов был слабей в личном и политическом отношении фигурой, но якобы только он заслуживал уважения в послесталинском руководстве.

Происходили у Молотова, конечно, и случайные встречи. Известный спортивный комментатор Николай Озеров ехал однажды по улице на своей автомашине. На обочине он увидел старика, лицо которого показалось ему знакомым. Подъехав ближе, он узнал Молотова и предложил подвезти его. Прощаясь у своего дома, бывший премьер сказал: «Внуки не поверят, что меня довез до дома сам Николай Озеров».

Однажды в середине 70-х годов встретил Молотова на улице и грузинский писатель К. Буачидзе, немало лет отсидевший в тюрьмах и лагерях как «враг народа». В одной из своих неопубликованных работ он писал:

«Это произошло примерно лет десять назад в Москве: жил я тогда у брата, и мне часто приходилось пересекать Тверской бульвар. И вот однажды вечером мне бросилось в глаза как будто где-то да еще много раз виденное мною чуть плосковатое лицо одного невысокого старика...

И на второй день я к нему присмотрелся, и на третий. Боже мой, как мне его очки знакомы, да где же я его видел? Не на фотографиях ли?

Ба, да это же сам Молотов, Вячеслав Михайлович, в юные годы носивший прекрасную музыкальную фамилию Скрябин!.. Долгие годы – и еще какие годы! – был вторым человеком в великом государстве, да еще после кого? После великого Сталина!

...И вот я, теперь уже бывший “враг народа”, а следовательно, в те времена его личный “враг”, хотя был он тогда для меня так далек и недосыгаем, как Полярная звезда, могу сейчас пройти мимо него совсем близко и, если совесть позволит, даже не извинившись, как бы случайно, задеть его серый пиджак, на лацканах которого уже нет никаких знаков отличия, словно мы с ним равноправные из равноправных: и он избиратель, и я избиратель, но не избираемые...

А было время, когда я на коленях (в буквальном смысле – столика-то не было!) писал ему (и разве только ему?!) из мест заключения...

А не подойти ли мне к нему, не представиться ли? С малых лет привыкший почитать старших по возрасту, я очень

вежливо, но не так уж робко подошел к бывшему председателю Совета Министров СССР, подошел как равный к равному... И когда я с ним поздоровался, по моему акценту он сразу же узнал:

– А-а, вы грузин? Что же, никогда не скрывал и сейчас не скрываю: я всегда питал слабость к грузинам.

– Это из-за Сталина, наверное.

– Пожалуй, да.

После любезных расспросов о здоровье:

– Вот вы, Вячеслав Михайлович, многие годы – да еще какие годы! – плечом к плечу работали со Сталиным, это только вы один имели право разговаривать с ним на “ты”, называть его юношескими именами: то Коба, то Сосо. Не думаете ли вы написать о нем правдивые воспоминания? Для истории это, знаете, весьма важно.

– Ну и написал бы, но... А кто напечатает?!

“А кто напечатает?” Вячеслав Михайлович с такой грустью произнес, словно не он (со Сталиным) насадил это самое в нашей стране, в нашей жизни, а кто-то другой, скажем, человек вроде меня, то есть враг народа, пусть даже реабилитированный...»⁴³

Побывал в гостях на даче у персонального пенсионера и писатель Ю. Идашкин. Он так передает подробности встречи: «Ровно в двенадцать нас пригласили в столовую, смеж-

---

⁴³ Буачидзе К. Такое длинное, длинное письмо Виктору Астафьеву. Рукопись. Тбилиси.

ную с гостиной комнату. В центре ее стоял небольшой круглый стол, уже накрытый к обеду. На одной из стен – фотографические портреты Ленина, Сталина и П. С. Жемчужиной. Молотов, которому тогда было уже за восемьдесят, твердой рукой разлил по небольшим рюмкам коньяк, не обойдя и себя. “За Сталина!” – чуть громче обычного сказал он и выпил до дна. Едва мы закусили, как Молотов снова поднял рюмку: “За Ленина!”

У Молотова не изменился не только застольный ритуал, прежними остались оценки “хозяина” и собственной роли в репрессиях и преступлениях: “Время было сложное, международная обстановка не позволяла расслабляться ни на миг. Поэтому мы не всегда могли соблюдать формальности, но волю партии и народа мы никогда не нарушали”. Более оригинальными и живыми оказались, правда, отзывы о других политических деятелях: “Да какой же он политик! Обыкновенный пропагандист...” Это о Кирове. “А-а, этот уголовник...” Это о Хрущеве»⁴⁴.

Однако чаще всего москвичи равнодушно проходили мимо Молотова. Люди помоложе просто не узнавали его, ведь они не видели его портретов в газетах и журналах. Люди постарше потом говорили знакомым: «Знаете, я вчера встретил Молотова. Очень старый, но еще бодрый. И никто его не охраняет». Но бывало и иначе. Однажды на Пушкинской

---

⁴⁴ *Идашкин Ю.* Знакомый по портретам. Давнее интервью с В. М. Молотовым // Литературная Россия. 1988. 22 июля.

площади к Молотову подошла пожилая женщина и стала громко поносить его как преступника и убийцу. Молотов, ничего не отвечая, втянул голову в плечи и поспешил домой. В другой раз в магазине в Жуковке возникла очередь за помидорами, и Молотов тоже встал в нее. Одна из женщин тут же вышла из очереди, громко сказав, что не желает стоять вместе с палачом. Молотов молча покинул магазин. Здесь же его встретила первая жена Солженицына Н. Решетовская. Солженицын жил тогда также в Жуковке на даче у Ростроповича. Он спросил у жены: «И ты ничего ему не сказала? А я бы подошел и спросил: «Вы Молотов? А я – Солженицын. Как вы можете жить на свете с руками, с которых капает кровь?»»

Писатель А. Якобсон, умерший в эмиграции, однажды, еще в 60-е годы, встретил Молотова с Жемчужиной в районе Арбата. Будучи слегка выпивши, Анатолий на всю улицу закричал: «Как поживает твой друг Риббентроп?!» Молотов с каменным лицом прошел мимо.

На премьере пьесы «Сталевары» во МХАТе некоторые из зрителей, увидев Молотова, стали давать ему программки для автографа. Молотов оживился. Но неожиданно одна из молодых женщин, находившихся в фойе, закричала: «Что вы делаете? Ведь это палач, он истребил сотни людей!» Вокруг Молотова всех как ветром сдуло. Он опустил голову и быстро пошел к выходу из театра. Как-то, подъехав зимой на машине к дому, Молотов осторожно направился к сво-

ему подъезду, боясь поскользнуться. Навстречу ему шагнули двое рослых мужчин. Один из них – Георгий Иванович Меньшиков, около двадцати лет проведенный в заключении, талантливый инженер-строитель, остановился, узнав Молотова. «Ну что, еще ползаешь, упырь?» – спросил он.

Казалось бы, чего мог ждать Молотов в свои девяносто четыре года? Но история все же еще раз зло подшутила над всеми нами, показав, насколько живучи силы догматизма и сталинизма в нашей стране.

В конце 1964 года, после октябрьского Пленума ЦК КПСС, Молотов подал заявление на имя Косыгина и Брежнева с просьбой восстановить его в партии. Таких заявлений от людей, «обиженных» при Хрущеве, было много, но почти все они, включая и заявление Молотова, были отклонены. Через несколько лет Молотов повторил свою просьбу. Это было в конце 60-х годов, когда в нашей печати шла подготовка к реабилитации Сталина, и имя Сталина, а иногда и Молотова можно было встретить на страницах газет и журналов. Но реабилитация Сталина не состоялась, и просьба Молотова была отклонена. Мы не знаем, сколько раз еще повторял он свою просьбу, но это было неоднократно. В начале 1984 года, когда генеральным секретарем ЦК стал К. У. Черненко, Молотов в очередной раз направил в ЦК КПСС просьбу о восстановлении в партии. Это заявление было активно поддержано А. А. Громыко, влияние которого в Политбюро в 1984 году заметно возросло. Не желая разводить

по этому поводу дискуссии, остальные члены Политбюро не стали возражать, и Молотов был восстановлен в партии. Об этом, однако, не было никаких сообщений в партийной печати, хотя сам факт возвращения Молотова в ряды КПСС был публично подтвержден на одной из пресс-конференций в МИДе для иностранных журналистов. В 1984–1986 годах имя Молотова, теперь уже члена партии, гораздо чаще, чем раньше, упоминалось в печати. Его образ появляется и в кино, например, в вышедшем на экраны в 1985 году помпезном фильме «Победа», главными героями которого были Сталин и Брежнев.

В июле 1986 года в газете «Московские новости» (еще при прежней редакционной коллегии) появилось интервью с 96-летним Молотовым. Журналистка Клара Абрамия, посетившая Молотова на его даче в Жуковке, писала:

«В кабинете, куда он нас пригласил, все стены в книжных полках. На рабочем столе “Анти-Дюринг” и “Тихий Дон”. На открытой странице “Анти-Дюринга” я заметила пометки карандашом. Словно прочитав мои мысли, он говорит о своем распорядке дня... Подъем – в 6.30 утра, в течение 20 минут занимается зарядкой на воздухе. После завтрака около часа гуляет в лесу, после чего читает газеты. Двухчасовой отдых, и вновь рабочий стол и книги, книги. Чтению посвящается 6 часов.

– Я в курсе всех событий, – говорит Вячеслав Молотов. – Меня воодушевляют перемены, происходящие в нашей жиз-

ни. Обидно, что возраст и здоровье не позволяют активно участвовать в них. Чем старше становится человек, тем больше он хочет быть полезным обществу... У меня счастливая старость. Хочу дожить до ста лет»⁴⁵.

Дожить до ста лет Молотову не удалось. Всего через несколько месяцев после этого интервью он умер. Западные газеты и журналы поместили по этому поводу немало статей. В советской печати появилось лишь краткое извещение: «Совет Министров СССР с прискорбием извещает, что 8 ноября 1986 года на 97-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1906 года Молотов В. М., бывший с 1930 по 1941 год председателем Совета народных комиссаров СССР, а с 1941 по 1957 год – первым заместителем председателя Совнаркома СССР и Совета Министров СССР»⁴⁶.

Похороны Молотова проходили на Новодевичьем кладбище в присутствии лишь родственников и немногих друзей и почитателей, но без каких-либо корреспондентов.

Еще в 1984 году немецкий журнал «Дер Шпигель» поместил небольшую статью о сходстве судеб Вячеслава Молотова и Рудольфа Гесса, который тоже подобрался к девяноста годам. Гесс был в 30-е годы вторым после Гитлера лицом в нацистской партии, одним из организаторов террора против

---

⁴⁵ *Абрамия К.* В гостях у Молотова // Московские новости. 1986. 6 июля.

⁴⁶ Известия. 1986.11 нояб.

антифашистов. Гесс активно участвовал в подготовке пакта Молотова – Риббентропа и в переговорах между Молотовым и Гитлером в 1940 году. На фотографии, опубликованной в журнале, Молотов и Гесс обмениваются рукопожатиями, сдержанно улыбаясь. Как известно, Гесс также хотел дожить до ста лет, но умер или покончил с собой в возрасте 93 лет. Имеется в судьбе этих людей и существенная разница. С 1941 года Гесс находился в заключении, сначала в английской тюрьме, а с 1946 года как военный преступник – в одиночной камере берлинской тюрьмы Шпандау. Охрана его обходилась, впрочем, в десятки раз дороже, чем «содержание» Молотова на его комфортабельной даче в Жуковке. Приходится лишь сожалеть, что многие из лучших людей живут порой очень недолго, тогда как многие из худших наделены удивительным долголетием...

СУДЬБА СТАЛИНСКОГО НАРКОМА ЛАЗАРЯ КАГАНОВИЧА

В доме на Фрунзенской набережной

Старый большевик А. Е. Евстафьев, около 20 лет проведенный в тюрьмах и лагерях и вернувшийся в Москву лишь после XX съезда КПСС, должен был посетить друга, живущего на Фрунзенской набережной. По рассеянности он прошел мимо нужного ему подъезда, поднялся на лифте в другом подъезде и позвонил в квартиру на том же этаже, что и у друга. Дверь открыл очень старый человек, в котором Евстафьев узнал Лазаря Моисеевича Кагановича, в прошлом вождя московских большевиков и всесильного «сталинского наркома», которого Евстафьев считал прямым виновником своих несчастий. От неожиданности Евстафьев не мог произнести ни слова. Но Каганович не узнал его и, сказав: «Вы, наверное, ошиблись», – закрыл дверь. Рассказывая об этом, Евстафьев с удовлетворением заметил: «Каганович исключил меня из партии. Но сейчас я снова член партии, а Лазарь из нее исключен». Человеку, лишенному на 20 лет свободы и чести, казалось, что справедливость восторжествовала.

Когда-то Каганович обладал не только большой популярностью, но и огромной властью. Московский митрополитен, которым ежедневно пользуются миллионы москвичей и гостей столицы, более 20 лет носил имя Л. М. Кагановича. Во время праздников портреты Кагановича вместе с портретами других вождей несли через Красную площадь, где на трибуне Мавзолея всегда стоял и сам Каганович. Его появление в любой аудитории вызывало овации...

Но в последние 20 лет его жизни мало кто узнавал Кагановича. Однажды он вызвал к себе врача из местной поликлиники. Молодая женщина, беседуя с пациентом, несколько раз назвала его «гражданином Казановичем». Это вызвало у последнего вспышку раздражения. «Не Казанович, а Каганович, – сказал он и добавил: – Когда-то мою фамилию хорошо знал весь Советский Союз».

В разговоре со знакомыми он обещал прожить сто лет, почти сделал это, немного не дожив до девяноста восьми. Он пережил и свою жену, и приемного сына, и всех братьев. Только его дочь – Майя, которой было уже за 60, два раза в неделю навещала отца, живущего в полном одиночестве.

Сапожник-революционер

Лазарь Каганович родился 10 ноября 1893 года в деревне Кабаны Киевской губернии. Его биографии сообщают: «родился в семье кожевенника». Роман Степанович Федченко, учившийся в 30-е годы неподалеку от родины Кагановича, в Чернобыле, уточняет, что, по рассказам стариков, глава семьи Моисей Каганович был прасолом – то есть скупал скот и гуртами отправлял его на бойни Киева. Согласно этим сведениям, семья Кагановичей жила небедно, но юный Каганович не пошел по стопам отца. Сведения о его юности противоречивы. По одним данным, изучив ремесло сапожника, Лазарь стал с 14 лет работать на обувных фабриках и в сапожных мастерских; согласно другим сведениям, работал на кожевенном заводе «Поставщик», а сапожником не был. Лишенная многих прав, которыми пользовались в России не только русские, но и другие «инородцы», еврейская молодежь была благодатной средой для революционной агитации. Все оппозиционные партии вербовали здесь своих сторонников. Молодой Каганович сделал выбор – он примкнул в 1911 году к большевикам. Непосредственно привлек его к революционной работе двоюродный брат – Самуил Хацкелевич Губерман (по словам его внука А. В. Губермана). Несомненно, здесь сказалось и влияние старшего брата – Михаила, который вступил в партию большевиков еще в 1905 году. Он то-

же был рабочим, но не сапожником, а металлистом. Большевиками стали и двое других братьев Лазаря Кагановича.

Главной задачей Лазаря Кагановича партия поставила организацию большевистских кружков и групп на кожевенных заводах, которых было много на Украине. Переезжая с места на место и иногда подвергаясь кратковременным арестам, Каганович создавал нелегальные кружки и профсоюзы кожевников и сапожников в Киеве, Мелитополе, Екатеринославе и в других городах.

В 70–80-х годах получила распространение версия о том, что Каганович был сионистом и что в 1914 году, за полтора месяца до начала мировой войны, Лазарю в Гомель был прислан общий список доходов Всемирной сионистской организации за 1913 год. При этом ссылаются на книгу Ю. С. Иванова «Осторожно: сионизм!»⁴⁷. Действительно, в этой книге приводится отрывок из списка доходов сионистов, включая доходы по Америке и Южной Африке, со ссылкой на архив Октябрьской революции. Однако читатели не обратили внимания на одну тонкость: Ю. С. Иванов НЕ УТВЕРЖДАЕТ определенно, что речь идет именно о Лазаре Моисеевиче Кагановиче. Он просто упоминает некоего Л. Кагановича и дает его гомельский адрес. Но поскольку читатели, естественно, заключили, что адресатом был именно Лазарь, стоит сказать несколько слов об этой улике. Удивляет, что Ю. С. Иванов, публикуя столь сенсационную информацию, не

---

⁴⁷ Иванов Ю. С. Осторожно: сионизм! М., 1969. С. 76.

приводит никаких подробностей. Сказано, кто адресат документа, – а кто отправитель? Что вообще представляет собой эта бумага? Написана ли она от руки, напечатана ли на машинке или типографским способом? На каком языке составлена? Почему содержит лишь доходы без расходов? Ничего этого из книги Ю. С. Иванова узнать нельзя. Что касается адресата – тут тоже немало вопросов. Был ли 20-летний Лазарь главой всемирного сионизма или «только» министром финансов? Являлся ли Гомель «столицей» сионистов и если да, то почему? Может, сионисты чувствовали себя в Гомеле свободнее, чем в Нью-Йорке или Копенгагене? Или из Гомеля проще поддерживать связь с различными уголками земного шара? Ответов нет...

Во время Первой мировой войны Киевское жандармское управление арестовало Кагановича за антигосударственную пропаганду. Он был выслан по этапу на родину, в Кабаны, но через несколько месяцев бежал обратно в Киев, а оттуда с паспортом на имя Стомахина перебрался в Екатеринослав⁴⁸.

Перед революцией Лазарь работал на обувной фабрике в Юзовке, возглавляя и здесь нелегальный союз сапожников и кожевников. 1 мая 1916 года в городе прошла грандиозная по тем временам майская демонстрация. В Юзовке Каганович познакомился с молодым Н. С. Хрущевым, который еще не вступил в партию большевиков, но участвовал в революционной работе. Это знакомство и связь уже не прерывались

---

⁴⁸ Советский патриот. 1990. № 4. С. 14.

полностью и в более поздние годы.

На разных местах

Каганович принадлежал к поколению, на детские годы которого пришлось потрясение 1905 года, а на юность и молодость – события 14-го и 17-го годов. Неудивительно, что именно у молодежи революция вызвала самые большие надежды и самую большую радость.

Весной 1917 года произошла большая перемена и в жизни Лазаря Кагановича: его призвали в армию. Он был направлен для военной подготовки в Саратов, в 42-й пехотный полк, где стал активным членом большевистской организации города, часто выступал на митингах, говорил ярко и подолгу. В июне от саратовского гарнизона Каганович участвовал во Всероссийском совещании большевистских военных партийных организаций; после возвращения в Саратов его арестовали, но молодой солдат бежал и нелегально перебрался в прифронтную зону, в Гомель. Через несколько недель он стал председателем местного профсоюза сапожников и кожевников, а также председателем Полесского комитета большевиков.

Маленький провинциальный Гомель был важным железнодорожным узлом, через который могли осуществляться переброски войск между Западным и Юго-Западным фронтами или с фронтов – в обе столицы России. Кроме того, от Гомеля было рукой подать до Ставки, располагавшейся

в Могилеве. В первой половине июля на передовой командованию еще удавалось силой оружия «усмирять» взбунтовавшиеся полки, но с каждой неделей покорных становилось все меньше, а восставших – все больше. В пору бабьего лета попытался «навести порядок» поднявший мятеж генерал Корнилов. В гомельском совете в тот момент большинством обладали эсеры, меньшевики и бундовцы; телеграф и железную дорогу контролировал Викжель. В союзе с Полесским комитетом большевиков все они внесли свой вклад в срыв мятежа.

Однако революция продолжалась, и день 25 октября разделил временных союзников навсегда.

О событиях в столице Гомель узнал в ночь на 26-е. Сведения были отрывочные и неясные. Начались стихийные собрания и митинги, но никто ничего не знал толком.

Прошло и 27-е число. Около 500 рабочих получили оружие. Полесский комитет двинул на железную дорогу агитаторов и красногвардейцев – в результате Гомель перестал пропускать воинские эшелоны на Москву и Петроград. В городке скапливались прибывавшие по железной дороге солдаты и казаки. В части сразу же шли агитаторы. Разносились все новые слухи – о неудавшемся перевороте в Петрограде, о победе Керенского и Краснова, о боях в Москве, об ультиматумах Викжеля.

По инициативе большевиков 28 октября собрался на экстренное собрание гомельский совет. На повестке дня – во-

прос о событиях в Петрограде. Кто-то зачитал телеграмму о бегстве Ленина и аресте большевистского правительства. Меньшевики и бундовцы предложили по примеру Петрограда создать Комитет спасения Родины и революции. Обладая большинством в Совете, они имели хорошие шансы на успех. Перелом в ход собрания внесло выступление лидера большевиков Кагановича. Вспоминает большевик Привороцкий: «Мне запомнилось несколько фраз из его речи. Обращаясь к соглашателям, он заявил: “От кого вы хотите спасти революцию? От петроградских рабочих, которые устлали своими трупами петроградские мостовые в 1905 году и теперь, или с помощниками Родзянко и Гучковым спасти революцию от нас, рабочих...” Вот эти несколько фраз произвели такое сильное впечатление, что рабочий-меньшевик, который около меня стоял, голосуя за резолюцию большевиков, сказал: “Умеет же Каганович так говорить, что прямо дрожь по телу пробегает, и нельзя с ним не согласиться”. Это выступление произвело огромное впечатление»⁴⁹.

Резолюция большевиков была принята. Совет образовал Комитет революционной охраны (из 7 человек – 4 большевика). На улицах появились караулы Красной гвардии, начались аресты, была введена цензура. В Петроград и Москву послали людей с целью выяснить наконец, что там происходит.

Между тем Гомель по-прежнему не пропускал войска по

---

⁴⁹ Советская Белоруссия. Минск. 1937. 4 нояб. С. 2–3.

железной дороге; их скопилось очень много. Обстановка менялась с каждым часом. Работа агитаторов принесла плоды, и уже в ночь на 30 октября Ставка в Могилеве почувствовала себя неудобно: Духонин послал телеграмму Брусилову на Юго-Западный фронт с просьбой срочно выслать 1-й ударный полк для охраны Ставки.

Не успели вернуться посланные за известиями гонцы, как 30 октября приехал в Гомель депутат II съезда Советов Леплевский. Весть об успешном восстании в Петрограде и Москве облетела город. Каганович сразу же созвал Полесский комитет. Леплевский сообщил о происшедшем. Тут же был созван и Совет. После яростной полемики, в которой участвовал и Каганович, была принята резолюция в поддержку съезда Советов. Провозглашалась власть Советов в Гомеле; все представители Временного правительства подлежали аресту.

17 ноября Каганович вошел в первый состав Военно-революционного комитета Гомеля, а на следующий день сюрпризом закончилось подведение итогов выборов в Учредительное собрание – вопреки всем ожиданиям в Гомеле победили не эсеры, а большевики. Депутатами стали Каганович и Леплевский.

В тот же день был послан первый вооруженный отряд из Гомеля в Могилев. Вскоре и в этом губернском центре установилась советская власть, и 15 декабря в Могилеве под председательством Кагановича открылся губернский съезд

Советов. Выступая на нем, Каганович сказал: «Мы решили поддержать рабочее движение в Петрограде 25 октября 1917 года. Мы локализовали движение ударников-корниловцев, вошли в контакт с железнодорожным комитетом, организовали комиссариаты, и наладилась практическая работа. Мы опирались на мощный, дисциплинированный гарнизон... Мы провели закон об единовременных налогах, организуем теперь особый советский отряд, который будет существовать до окончательного закрепления революции, провели много начинаний в общественной жизни города и деревни. И если бы все Советы губернии подражали бы гомельскому, какая замечательная могла бы наладиться работа»⁵⁰.

Через несколько дней оратор уехал в Петроград на Учредительное собрание (он был также депутатом III съезда Советов) и, как это часто бывало с депутатами в те месяцы, на прежнее место не вернулся: Каганович был избран во ВЦИК РСФСР и остался в Питере, а вскоре стал одним из комиссаров Всероссийской коллегии по организации Красной Армии. В июне 1918 года он был направлен агитатором в Нижний Новгород. В тот момент это было довольно важное задание: на Волге спешно формировался Восточный фронт, и будущее этого фронта казалось тревожным. Вначале Лазарь работал заведующим местным агитотделом и был малозаметен. В Нижнем Новгороде впервые пересеклись пути Кагановича и Молотова; благодаря последнему Каганович стал

---

⁵⁰ Советская Белоруссия. Минск. 1937. 4 нояб. С. 3.

председателем Нижегородского губкома партии и губисполкома. Во время недолгой работы Кагановича весной 1918 года в Москве в аппарате советского правительства произошла неожиданная и памятная для участников встреча Лазаря Моисеевича с поэтом Сергеем Есениным и его друзьями: Рюриком Ивневым, Анатолием Мариенгофом и Матвеем Ройзманом. Вот как описывает подробности состоявшейся беседы Рюрик Ивнев в своем романе «Богема»:

«Мы поднялись на третий этаж. Впереди всех шел Есенин. Дойдя до дверей, на которых написано “Секретарь”, он приоткрыл дверь. “Товарищ, можно? – спросил он, – я вам вчера звонил насчет приема к... товарищу Кагановичу...” “Он на заседании, будет минут через двадцать, не раньше”. “Хорошо, мы подождем”, – сказал Есенин, закрывая дверь. Все отошли к окну. “Как? – воскликнул Мариенгоф, – ты же говорил, что звонил самому Кагановичу”. “Ну не все ли равно, – махнул рукой Есенин, – к Кагановичу или к секретарю, ведь это одно и то же...” “Подождите, ребята, – вмешался Ройзман, – еще раз порепетируем, чтобы не напутать: сначала будет говорить Есенин... общие, так сказать, основы дела. Затем уж я коснусь деталей. Бумажка у тебя?” – обратился он ко мне. “Да”. “Давай ее мне, я подсуну в подходящий момент, он подпишет”.

“Главное, не забывайте, – шептал Мариенгоф, – что проносить фразу «отдельные кабинеты» ни в коем случае нельзя”. “Что ты нас учишь? – огрызнулся Ройзман, – мы это

знаем не хуже тебя”. “Я напомнил... на всякий случай...” “Тсс... вот, кажется, он сам”, – прошептал Есенин, кидаясь к поднимавшемуся по лестнице невысокому усатому брюнету в военной форме. “Здравствуйте, товарищ Каганович”, – заулыбался Есенин. Военный пристально посмотрел на него равнодушными стальными глазами и, слегка кивнув, прошел мимо. Есенин почесал затылок. “Экой черт, не узнал, а ведь вместе пьянствовали в прошлом году...” “Не надо было подсказывать”, – деловито вставил Ройзман. “Ну, теперь все равно, идем, он нас примет”. Под водительством Есенина мы вошли в комнату секретаря. Молодой человек в черной рубашке, затянутой тонким поясом, пропустил нас в кабинет Кагановича. “Только не слишком задерживайте Лазаря Моисеевича”, – бросил он вдогонку.

Хозяин кабинета сидел у письменного стола, положив локти на стол. Видный большевик, уже известный партийным массам, одним глазом он смотрел на лежащую перед ним коричневую папку, другим – на вошедших поэтов. Первым выступил Есенин. “Здравствуйте, товарищ Каганович, вы меня не узнаете? Я Есенин, а это мои товарищи, тоже поэты, вы, конечно, слышали их имена: Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Матвей Ройзман”.

“Садитесь”, – сухо произнес Каганович. “Вот, товарищ Каганович, – продолжал Есенин, – мы имеем маленькое издательство, выпускаем журнал, ведем культурную работу, и так как для издания альманахов и сборников нужны сред-

ства, мы открыли кафе”. “Кафе?” – переспросил Каганович, занятый, очевидно, своими мыслями. “Да, кафе-клуб, где наши нуждающиеся товарищи-поэты получают бесплатные обеды”. “И при клубе образованы библиотека, шахматный и марксистский кружки”, – выпалил Ройзман. Анатолий наступил ему на ногу и тихо прошептал: “Не лезь!”. “И вот, – распевал Есенин, – всей этой большой культурной работе грозит полное разрушение”. “Я не совсем вас понимаю, – устало произнес Каганович, – при чем тут я... и потом нельзя ли покороче, у меня тут дела... и заседание”. “Товарищ Каганович, – взволновался Есенин, – мы понимаем, что вы – человек дела, и если решились посягнуть на ваше время, то...” – “Дело в том, – перебил его Ройзман, – что наше кафе помещается в двух этажах, так вот нижний этаж захлопнули”. – “Захлопнули?” – “Ну да, закрыли”. – “Ничего не понимаю, кто закрыл?” – “Административный отдел Моссовета”. – “Как это можно – один этаж закрыть, а другой не закрыть?” – “Вот и мы не понимаем этого... Мы пришли к вам... У нас приготовлены бумаги, вот, товарищ Каганович, подпишите... нам тогда откроют”. Каганович прочел вслух: “В Адмоддел Моссовета. Прошу оказать содействие Правлению Ассоциации поэтов, художников и музыкантов в деле полного функционирования их клуба «Парнас»”.

“Что значит, “полного функционирования”? А потом, товарищи, я не имею никакого отношения к Адмодделу...” – “Ну, товарищ Каганович, вас там так уважают”, – сказал

Ройзман. “Товарищ Каганович, вы нас выручите”, – вставил Есенин. Я и Мариенгоф сидели молча и не могли выдать из себя ни одного слова... “Я не могу ничего предписывать Адмотделу и не могу подписывать никаких бумаг. Самое большее, что я могу сделать, это позвонить”. Он взялся за телефонную трубку. Есенин переглянулся с Ройзманом. “Кабинет начальника Адмотдела... Да... Спасибо... Саша, ты? Говорит Каганович... Здорово... Послушай, в чем дело? Тут пришли поэты из «Парнаса» – клуб-кафе... Их прихлопнули. Что? Не прихлопывали? Закрыли только отдельные кабинеты? Очаг проституции? Понимаю. Да. Да. Овечками. Ха-ха-ха. Ну будь здоров”. Он опустил голову. “Все кончено”, – шепнул Есенин Мариенгофу. Каганович молча посмотрел на Есенина и Ройзмана. Я и Мариенгоф отвели глаза в сторону. “Ну, – вздохнул Есенин, – мы пойдем”. “Не задерживаю”, – буркнул Каганович, причем нельзя было разобрать, смеется он или сердится. Есенин вышел первым. За ним, точно сконфуженные школьники, шествовали я, Мариенгоф и Ройзман, крутивший прядь волос у виска и наверняка размышлявший, к кому бы еще пойти... Жаль, что Соня не в Москве. Спасти положение здесь могла бы только женщина. “Удивительно, – сказал Есенин, когда все вышли на улицу, – кто бы мог подумать, что он забудет, как мы проводили время. Можно сказать, друг закадычный, вместе пили, кутили, и вдруг такой пассаж...”»⁵¹

⁵¹ Ленинское знамя. 1992. 29 янв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.